

Министерство культуры Свердловской области Свердловская областная межнациональная библиотека

КРИКСА-ВАРАКСА

сборник работ участников Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро-2023»

Номинация «Этническое фэнтези»

Екатеринбург 2023 УДК 821.161.1 ББК 84(2Poc)6 К82

К82 Крикса-варакса: сборник работ участников Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро-2023»: номинация «Этническое фэнтези» / Министерство культуры Свердловской области; Свердловская областная межнациональная библиотека; составитель С. В. Ивкин. – Екатеринбург: СОМБ, 2023. – 107 с. – Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-9076809-7-5

В сборник включены работы победителей Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро» за 2023 год в номинации «Этническое фэнтези» и работы, вошедшие в короткий список. Рассказы печатаются в авторской редакции.

УДК 821.161.1 ББК 84(2Poc=Pyc)6

ISBN 978-5-9076809-7-5

© ГБУК СО «СОМБ», 2023

© Коллектив авторов, тексты, 2023

© Ивкин С. В., составитель, 2023

© Печерских Н. А., художник, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	4
Рецензия на рассказ Вероники Батхан «Беженцы»	6
Вероника Батхан «Беженцы»	8
Рецензия на рассказ Руслана Нурушева «Сказка об ученом дундуке»2	:5
Руслан Нурушев «Сказка об ученом дундуке»2	:7
Рецензия на рассказ Алены Горислав «Черань»	2
Алена Горислав «Черань»4	4
Жанна Бочманова «Крикса-варакса»6	53
Алексей Панин «Портупей-прапорщик и чужая дочь»8	66
Дмитрий Петров «Скит»	3

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Фэнтези существовало всегда. Кто-то называл его сказаниями о богах и героях, кто-то сказками, кто-то сказами, кто-то небыличками. В моём понимании, как стихами человек начинает говорить в моменты высшего душевного подъёма (счастье это или горе — не важно), так и красиво врать человеку необходимо в тот момент, когда правду иначе не высказать, пропадёт правда, станет тусклой, однобокой. Чем больше мы лжём, тем объёмней и весомей становится наша правда.

За каждой историей в этой книге стоит нечто, на первый взгляд от читателя скрытое. За орнаментом плетёной восточной речи в рассказе Вероники Батхан скрывается мотив принятия решения, которое можно в равной степени прочитать и как предательство, и как благодеяние. За смачным, весёлым миром Руслана Нурушева открываются онтологические вопросы существования как такового, организация жизни. Сквозь туман Алисы Горислав проступают вполне узнаваемые черты нашей с вами реальности. Сказка всегда говорит о здесь и сейчас, но немного с краю, поддевая ноготком обшивку, приоткрывая изнанку.

Потому нет универсальных сказок, как не может быть универсальным человек. У него всегда будет отличная от других внешность, собственные мечты и страхи, свои интонации речи, своё понимание мира, и всё это он попытается сохранить. Потому что это – его. А твоё – самое правильное, родное.

Рассказывая и читая истории, мы обнимаемся душами. И чем экзотичней история, чем дальше она от нашего «обычного», тем шире раскидывает руки наша душа, тем глубже она дышит. Тем о большем количестве вещей она может заду-

маться. Тем тяжелей ей отвернуться, отмахнуться от непонятного, иного, не её.

Одна история пытается сохранить только свои правила. Множество историй учат, что правила могут быть разными. Но как при этом сохранить ориентиры, понять, что верно, а что искажено? И этим сказка отличается от всех других жанров. Она – не просто история, содержащая культурный код, национальный колорит, документальное свидетельство, она ещё и хранит пульсирующую иглу, указывающую направление на добро. «Никакие обстоятельства не помешают мне оставаться хорошим человеком», – сказал философ Марк Аврелий. Именно об этом слагается каждая сказка, как тяжело быть хорошим человеком, как нельзя отказываться от этого стремления, как все благие намерения приводят нас к воротам Ада, как у каждого из нас может хватить сил не постучать в эти двери, развернуться, пойти куда-то ещё.

И там, куда мы придём, всё будет по-другому, кроме нашего стремления, в очередной раз попытаться быть хорошим человеком. Будь ты герой истории или рассказчик историй о богах и героях со своим личным, немного странным представлением о доброте.

ПЕРВОЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Вероники Батхан «Беженцы»

Есть проза, которой любуешься, словно красивой девушкой. Каждый жест прекрасен. А потом из ниоткуда вылезает лисий хвост. Даже при большой любви к китайским мифам, стыдливо отводишь глаза, позабыв все свои недавние искренние восторги. Вот убрать этот хвост – и отлично же будет. Но автор не в силах. Ради этого хвоста вся полюбившаяся тебе человеческая прелесть и наверчена.

О, как наслаждался описанием маршрутки. Как радовался показом одних и тех же мест в разные времена. Почти верил высоким семейным отношениям героев. Пока не упёрся в «хвост».

Сюжетов в мире очень мало. Великий библиотекарь Хорхе Луис Борхес писал, что их всего четыре. Все сказки мира сводятся к ним. Но можно брать сюжеты не целиком, смешивать элементы. Создавать иллюзию новой истории. И всё равно время от времени из-под сверкающей накидки показывается самый кончик первичного мотива. Это его миссия. Такое ощущение, что это сюжет управляет сознанием автора, выбирает автора под себя.

Волшебница Ника Батхан — невероятно талантлива, в её сердце так много чернил, что они переливаются через край, обещают в маленьком рассказе многотомную сагу. Про что она? О том, как обычная судьба становится отправной точкой Великой войны? Как рушится громадная империя — и это влияет на каждого пассажира провинциальной маршрутки? Всё уже сказано Гермесом Трисмегистом в «Изумрудной скрижали»: что наверху, то и внизу. Нет противостояния миров. Есть их непересекаемость. И похожесть. И если Границу необходимо нарушить, то нарушение это не принесёт ничего, кроме горечи.

Вот эмоциональная горечь помнится долго. Она и составляет «лисью природу» красивой восточной сказки. О хрупкости счастья. О цене доброты. О неправедной правоте закона.

Вероника Батхан

БЕЖЕНЦЫ

- Салям алейкум, дорогой! большая старуха в пестром платке и буром, сплошь вышитом платье вплыла в автобус, таща на буксире сумки, полные снеди.
- Ва-алейкум, ас-салям, Аише, отозвался шофер. Как дела, как внучка?
- В Симферополе, на кондитера учится. Раз в неделю приезжает домой тыщи полторы дай, да. Кушать надо, одеться надо. Зато потом устроится при еде, сытая будет, толстая, красивая.
  - Ай, не хвали у меня жена есть. И у сына невеста.
- У той невесты два пацана прицепом. И платок она не носит, и варенье не варит, и хлеб не печет.
- Третий у неё уже в пузе, потому и женятся, чтобы сыну фамилию дать. Платок и моя Равиля не носит, не крути мне голову. А хлеб наш, заводской, лучше тандыра же не стоит дома.
  - Добрый ты, Рамазан...
- Проходите уже, женщина! Не отвлекайте водителя! крашеная блондинка в городском костюме помогла подняться хмурому первоклашке, протянула водителю горстку монет.
  - Вам докуда?
  - До Голубинки, пожалуйста, взрослый и детский.
  - Нет у нас детских... ладно. Езжайте.

Одышливый грузный автобус заурчал, вздрогнул и вывернул с автостанции, понемногу набирая скорость. Золотой вечер окутывал сонные улицы Бахчисарая, пышные кроны деревьев, пыльные пятиэтажки, выцветшие вывески магазинов.

Злое летнее солнце за сезон убивает любые краски. А осенний свет мягок, он открывает цвета, как бадьян открывает вкус хорошего чая – медленно, нежно.

Я сидел на переднем сиденье рядом с шофером, всматривался в дорогу. Узнать город не представлялось возможным. А вот контуры скал, похожих на крепости великанов, въелись в память навеки. Сейчас дорога разделится – широкая в сторону Каламиты, поуже – вдоль гор, по маленьким селам, к перевалу на Алистон. По левую руку начнутся виноградники, по правую раньше пасли лошадей, а теперь насадили персиковые сады – жирная земля принесет урожай стократ.

Кабина шофера выглядела уютной. Разговорчивый немолодой татарин – счастливый человек, которому повезло с женой. Спинка кресла покрыта ажурным подголовником, пол – ковриком, связанным из тряпья, откуда-то снизу вкусно пахнет котлетами и домашними пирожками. На стекле закреплена фотография: сверкающая улыбкой женщина обнимает двоих сыновей, нарядный муж положил ей на плечо руку.

- Мои, ухмыльнулся шофер. Десять лет свадьбы. Сыновья уже взрослые. Бекир начальник стал, в Ленинграде в милиции, а Ахмет здесь, при нас, арбузы растит, дыни.
- Хорошие сыновья, осторожно поддержал разговор я. $\mathcal U$ жена у вас замечательная.
- Равиля у меня золотая. Работница, хозяйка, и по дому, и во дворе, и с внучкой успевает. А как печет!
  - Не то что нынешние вертихвостки, вздохнул я.
- Ай, дорогой молодым погулять хочется. На нас тоже старики ворчали. отмахнулся шофер и резко заложил руль вправо. Дорогу переходили коровы, рыжие и смолисточерные, сквозь железную стенку слышалось фырканье и

утробное, глухое мычание. Автобус замедлил ход, минуя грузные туши.

Закатное солнце подсветило амулеты на переднем стекле – хорошее дело, в путь не ходят без оберегов. Рука Фатьмы на тонкой цепочке, цитата из Корана работы умелого каллиграфа, смешной тряпичный зверек, нарушающий заповеди пророка. Лиловый шар размером с некрупное яблоко, висящий в воздухе словно бы безо всякой опоры, мерцающий изнутри голубыми искрами. Если взять его в руку, почувствуешь тяжкий холод...

- Что вы так дергаетесь-то? Человек войти не успел, а вы газуете, пахнущая больницей усталая женщина чуть не упала с верхней ступеньки.
- Что вы дверью хлопаете? Написано же не хлопать! Я тут с пяти утра езжу и каждый хлопает по голове.
- А повежливей можно? Остановки нет, автобус опаздывает, проезд опять подорожал, а ещё и хамов набрали...
- Я здесь двадцать лет езжу, ни одной жалобы. Успокойтесь уже, женщина, езжайте домой и пилите своего мужа!
- Правду говорит. Отцепись от человека, сорока, встрял пожилой татарин в зеленой феске, неодобрительно оглядев скандалистку, Мужику своему душу вынимай, если он от тебя, балаболки, до сих пор не сбежал.
- Нет у ней мужа, визгливо выкрикнула старушонка с передней площадки. Кольца-то нет, ишь, живет невенчанная с пришлым пьяницей.
- Поругалась Гуля в амбулатории платят ей мало, а работать приходится за двоих, вот и вымещает на ком ни попадя, посетовала тетка в белом халате, торчащем из-под плаща.

Скандалистка жалко сморщила некрасивое веснушчатое лицо. Сейчас заплачет, выскочит из автобуса, а он последний, пойдет пешком по горной, дурной дороге...

– Уймитесь, люди, – негромко, но веско произнесла маленькая старая женщина, сидящая у окна. – Дочь у Гули болеет.

Голоса тут же смолкли. У живущих близко к земле, всегда остается совесть – достаточно напомнить, что у соседа беда, чтобы со всех сторон протянулись руки. Автобусная толпа расступилась. Смазливый смуглый парень вскочил с места: садитесь пожалуйста. Пристыженный шофер потупился:

- Простите. День был тяжелый.
- Чего уж там...

Присмиревшая скандалистка уселась, спряталась в мягком сумраке. Автобус тронулся, захрипел, поднимаясь в гору. Я неотрывно смотрел на старую женщину – пристальные голубые глаза, туго заплетенные белые волосы, сильные маленькие пальцы, на указательном правой нет ногтя, только корявый шрам.

- Саша, голубушка, ты облепиху в этом году делала? соседка, как принято в этих краях, назвала её девичьим, легким именем.
- Баночку залила маслом, чтобы было зимой чем руки помазать. А варить не стала.
- Зря. Я и сахаром заливаю и медом, а потом зимой кушаю с чаем.
- В этот год только варенье из одуванчиков в мае сварила, дочке в Москву, она любит. А больше мне и не надо, прошлогоднее до сих пор раздаю.

...Саша была партизанкой. Прозрачно-худой девчонкой, остриженной наголо, перепачканной кровью и глиной, по-

следней выжившей из отряда. Она лежала между корней вывороченной сосны на пригорке и отстреливалась от троих немцев, с отчаянием загнанного животного сражалась за жизнь. Я запомнил яростные глаза, дорожки слез на загорелом лице, детское «ой, промазала». Двоих она отправила на тот свет. Третий, боевой офицер, сохранивший белый воротничок на сорочке, стрелял лучше и был хладнокровнее. Прицел уже выхватил потную макушку, осталось спустить курок. Я не вмешался в чужую войну... просто с сосновой ветки вдруг сорвалась шишка, спровоцировав лишний выстрел. А Саша попала в цель. Молниеносно, как хороший солдат, обшарила трупы, забрала патроны, бумаги, сунула в рот липкую шоколадку и побежала вглубь леса, мелькнула и нет её, ищи девчонку в палой листве...

- Садовое. Есть на выход?

Маленькая женщина спокойно прошла к дверям — «участник войны», бесплатно. За ней выбралась давешняя скандалистка. Автобус поехал дальше, вниз-вверх, вверх-вниз по разбитой дороге. Солнце скрылось, контуры гор смягчились, зеленые тополя тянулись к небесным сводам, словно длинные свечи на пиру у Марии Комнины.

Кое-где поблескивали одинокие фонари, тихо желтели окна, вспыхивали огоньки сигарет. Блеяли овцы, неохотно возвращаясь в загоны, кукарекали петухи, лаяли псы, стучал молот, тихонько струилась старинная колыбельная, нагоняя сон на младенца:

Geceleri beşiginiñ başında, Baht tolu saatlerini keçirem. Seni sağlam yaşasıñ dep, aynenni, Saña temiz ana sütüni içirem Ясырка Юлдуз качала меня на коленях и повторяла сладкое «айнени» пока сонный ангел не закрывал нам глаза. Она делала дивные лакомства, творила чудеса смуглыми маленькими ладошками – варила орехи в меду, сушила пастилу из шелковицы, засыпала лепестки роз драгоценным сахаром. И пекла хлеб своему маленькому князю – круглые как луна поджаристые лепешки, усыпанные зирой и кунжутом, золотистые, горячие, хрусткие.

– Куйбышево! Стоим две минуты.

Одним прыжком шофер выскочил из кабины, метнулся куда-то в вязкую темноту. Приспичило ему что ли? Немолодой человек, бывает. И времени осталось немного – от Албата – Куйбышева, как теперь говорят, до татарского Биюк-Узенбаша, села Счастливого, час верхом. Если скакун горячий – можно быстрее, лишь бы не оскользнуться на обрыве у Османа, там, где живут сарматы, парят над хребтом, раскинув огромные крылья. Ветер в лицо, запах хвои, листвы, осени, дым пастушьих костров и неслышная тень моря...

– Угощайтесь, дорогой. Хлеб наш, местный, нигде такого не делают! Даже у вас в Москве!

Я машинально взял теплую, вкусно пахнущую горбушку. Здесь не убивают хлеб ножом, а, как должно поступать, ломают руками. Кисловатая мякоть растаяла на языке – к чему? Поздно.

- Зачем Москва? Местный я, в Дори родился, подле Ходжа-Салы. Гаврасы, может слыхали?
- Нет, дорогой не помню таких. Чагатаевы там поселились, яблочный сад держат, Абдикеевых знаю, Мустафина с дочерями, Айвазов с дедом, Васильева-пришлого. Где ваши там живут?

- Не живут уже. Дом погорел, отец погиб, мать убили пусть их души будут связаны в узле вечной жизни у Господа. Вот и имени не осталось.
- Ай, беда! покачал головой шофер. В девяностые, да? Беспредел здесь творился, такой беспредел, что старики плакали. Хуже нет беды, чем отца с матерью потерять.

Я не стал говорить, что самое страшное – видеть мертвым собственного ребенка. Беседа плелась все теснее, беспечного Рамазана следовало разговорить.

– Хуже нет беды, чем бежать из дома, умирать не там, где умирали предки. Вам ли это не знать.

Шофер помрачнел – те, кто родился в Тавриде, врастали в землю корнями, и покинув родные края тянулись назад, как ползучая ежевика возвращается к месту, где когда-то взошла. Ордынец, вылитый ордынец из дома Хаджи-Гирея...

– Да, мы Гиреевы, из бахчисарайских. Деда с семьей выслали, отец вернулся, я тогда молодой был ещё, на митинги, как дурак бегал... Голубинка! Есть на выход? Кто не передал за проезд?

Пьяненький мужичонка попробовал выскользнуть в заднюю дверь, но две женщины загородили ему проход, возмущенно гомоня по-татарски. Похоже, никчемный Λ еша задолжал всем. И платить ему пришлось – два грязных «десюнчика» скатились в ладонь шофера. И снова дорога – вверх-вниз, вниз-вверх.

Зазвонил телефон – Равиля, жена. По улыбке ясно, по тому, как прижимают трубку к щеке. Кажется, ей тоже повезло с мужем.

– Скоро приеду, милая, соскучился уже – целый день тебя не видал. Шурпа, говоришь? Ай, спасибо. Не пеки, я купил

хлеба. Отдохни, наконец, побереги себя. Целую! Аромат – есть на выход?

Мы остались вчетвером – я, шофер и молодая пара на заднем сиденье. Русская девочка и местный мальчик, жених и невеста. Если не поспешат по глупости, будет семья. Как сидят, держась за руки, молча, тихо, только воздух искрит да капельки пота проступили на верхней губе парнишки, изогнутой как тетива лука, с крохотной родинкой справа – не наша ли кровь взошла? В молодости я, не считая, бросал семена в щедрую пашню. Пусть проклятые янычары резали княжий род, не глядя, законный сын или сторонний, кто-то мог уцелеть. Багрянородные отроки обязаны быть живучими, мне ли не знать... Времени мало!

– Интересный у вас брелок на стекле. Магнит, наверное? Местной работы или китайский сувенир?

Удерживая руль правой рукой, шофер протянул левую, и шарик сам вплыл в ладонь. Тотчас искры стали ярче, на поверхности заиграли узоры – словно божьи светлячки плещутся в августовском море, танцуют в теплых волнах, огибая тело пловца.

- Я и сам не знаю, дорогой. В автобусе забыли, вот ждет хозяев.
- Да, случается, люди порой невнимательны. Позволите посмотреть?

Кивок. Я поднял ладонь, и холодная тяжесть наполнила её. До ближайшего дромоса подле исара Кипия три лиги, проход чист. Опасности рядом нет — ни разбойничьей шайки ди Гуаско, ни пехоты наглеца Ломеллини, ни проклятых янычар Ахмет-паши, ни черных собак той-чье-имя-не-называют, ни ночных кровососов-мис, давно забывших о своих человеческих матерях.

- Кто бы мог забыть такую красоту и не вернуться за ней?
- Всей пятерней шофер поскреб в затылке, выражая мучительное раздумье. Он колебался. Но недолго «эффект попутчика». Желание поделиться оказалось сильнее.
- Пассажиры чудные сели, и поездка мутная вышла. Словно приснилось а не сон. Я проверил, выехал из Бахчисарая с полным баком, до Счастливого десять литров дизеля идет, а у меня двадцать сгорело.
- Может на бензоколонке смухлевали или мотор барахлит или слил кто-нибудь ночью, пока автобус стоял?

Шофер фыркнул от негодования:

- Мотор я сам перебираю, этими вот руками. На заправке мутить не станут, им здесь ещё работать. И воровать по селам не воруют, воры у нас не живут долго.
  - Пришлые руки нагрели?
- Нет. Наши, местные, земляки, из домов людей взял, только...
- Что? насторожился я. Что ответит улыбчивый татарин из славного рода Гиреев, что он запомнил, что видел? От легкой кучки сыпучих слов зависит его судьба.
- Не знаю, люди ли это были. Да не смотри на меня так, дорогой, не пью я, тем более за рулем. И не болен к врачу ходил, думал на старости лет головой тронулся.
- Не люди? я старательно рассмеялся. Кому здесь быть? Призракам? Мертвецам? Ит-бакбаши с собачьими головами? Помню, я мальчиком был, приятель меня напугать решил злился, что я у него девчонку увел. Ночью, когда я с рыбалки шел, спрятался у кладбищенского забора, собачью шапку на голову натянул, лицо вымазал. Стал в кувшин дуть уууу! Потом прыгнул навстречу а я его на кулаки. Так отлупил, что придурок на всю жизнь зарекся людей пугать. Вот и

вам, Рамазан, кто-то голову заморочил. Легко ведь в рейсе человека обидеть, отомстить захотели...

Пусть позлится, покраснеет лицом, подышит свирепо – на пользу делу. Мне нужна правда.

- Слушай, да?! Даже жена не знает, молчал, чтобы не думала муж рехнулся. А тебе расскажу.
  - Слушаю, уважаемый, от всего сердца слушаю вас.
- Три недели назад дело было. Ехал я как сейчас последним рейсом из Бахчисарая в Счастливое, всех развез, пустой встал на площади у магазина. Мотор заглушил, выхожу из автобуса, топчусь, курю на дорожку. Луна надо мной светит большущая как тарелка, вода в речке журчит, в брюхе урчит – ужинать пора, дома Равиля долму сделала, чай заварила, сметану из погреба достает. Вдруг слышу – собаки завыли, залаяли, заскулили, вся улица голосит. Я в кабину за монтировкой – мало ли кабан с гор сошел или волк забрел, недобиток. Выскакиваю, вижу, ко мне женщина бежит. Одета, как татарки в селе на свадьбу наряжаются, платье расшитое, на шее монисто, на руках браслеты, перстни. А платка нет, волосы заплетены, как у девушки, и ноги босые. Подбегает она ко мне – и бах в ноги, колени обнимает, плачет. Я её поднимаю, спрашиваю по-русски – что случилось. Она головой трясет, говорит чтото не по-нашему.
  - Иностранка?
- Местная. Я с ней по-татарски, и она по-татарски ответила, только не чисто, как караимы говорят или греки. Заклинает во имя Аллаха милостивого и милосердного, просит помочь её родне. Беженцы они, гонятся за семьей, вот-вот отыщут и всем конец детям, старикам, женщинам. Увезти их надо, спрятать в убежище, пока не пришли янычары. Снимает с себя браслеты, мне протягивает. Я гляжу золото, старое

красное золото. Не беру, конечно, обнимаю её, говорю, успокойся, сестра, заберем ваших, отвезем, куда скажешь и никаких денег не надо – соседи соседям всегда помогут.

- И вы поверили, Рамазан? Взрослый же человек...
- Добрый слишком. Посадил её на переднее сиденье, спрашиваю, куда ехать. Она тычет рукой – по Ленина, потом свернуть в лес, к лесничеству. Грунтовка там паршивая, словами не передать, тем более, ночью. Я спрашиваю вежливо так - может, ваши из лесу выйдут, чтобы посадить их нормально. А она сердится, кулачком своим звонким по креслу стучит – езжай мол. Ну мое дело маленькое, завел мотор, дал по газам. Равиле позвонил - мол, задерживаюсь, дела. Другая бы браниться стала, а моя слова не сказала. Еду себе, автобус козлит по кочкам, чувствую, ветер усиливается, кабину хлещет со всех сторон. Пассажирка моя сидит, в сиденье вцепилась, пальцы белые, перстни богатые, с камнями, с чеканкой. Красивая, загляденье – рыжая как медь, лицо тонкое, глаза огромные, утонуть можно. На возрасте уже, не девчонка, но и не старая. Увидела, что я на неё пялюсь, аж переменилась. Но промолчала, только рукой махнула – спеши.
- Загадочная история, понимающе кивнул я. (Мария, гордая и кланяется земно простолюдину. Значит, и мне не сказала, как близко прошла смерть).
- Это только начало. Въехали мы в лес. Я те места знаю, не то что на ПАЗике, на «козле» с трудом проскочишь. Ямы, выбоины, промоины, дорога кренится, колея в землю въелась. А тут автобус покатился легко-легко, словно не лесная грунтовка, а асфальт новенький. Я баранку налево кручу, к лесничеству. И вдруг пассажирка за руль раз! И выворачивает направо, к реке. Сдерживаюсь, чтобы не рявкнуть, повторяю: там только лесные тропы, нет никого и быть не может. Она

сердится, кричит «вперед», словно я лошадь. Ладно. Едем вверх к руслу Бельбека – и тут огни справа, много огней, факелов. И стена встает трехметровая, старой кладки. Кручу голову, вспоминаю, там развалины были, землей заросшие, отец мальчишкой ещё могильные плиты видел, я уже не застал. Нынче ж шайтан попутал... замок стоит в три этажа с башнями, как на картинке, знамена под луной вьются. Внутри – крик, плач, овечье блеяние. И песня – словно бы кто-то молится не по-нашему. Разбираю только «Христаус».

- Неужели? недоверчиво спросил я. (Кипия славный исар, но башня там невелика и стены давно не грозные).
- Аллах свидетель, почти крикнул шофер. Ворота увидел, тяжелые, бревенчатые, выщербленные. Остановился. Пассажирка моя наружу и давай стучать в колокол у ворот – выходите, мол. Я обе двери открыл. Смотрю – народ из крепости повалил. И правда – старики, женщины, дети, овцы с ними, собаки. Люди кто по-татарски одет, кто вообще не понашему. От автобуса шарахнулись, закричали. Женщина их успокаивать стала, уговаривать, потом крикнула не по-русски, ногой топнула. Взяла деда какого-то в красном плаще, повела за руку, за ними и остальные в салон забились. Как поместились - не знаю, не входит в автобус столько народу, у меня тридцать шесть мест по билетам. Но влезли – кто сидит, кто стоит, кто на полу устроился, детей на руки похватали, овцам на спины примостили. От отары вонь стоит, собаки воют – ад кромешный. И вдруг – барабаны в лесу загремели, дудки задули, пушка бахнула. Я и думать не стал, сдал назад, развернулся и по газам – нина! Пассажирка давешняя на переднем сиденье скачет как на коне верхом, шарик синий, который ты приглядел, крутит как бешеная, то подбросит, то завертит. Я гоню - и не понимаю, как еду, куда еду. То сквозь чащу, то

оврагами, то вдоль склона, то прямиком по воде, колес не замочив. А следом погоня идет, чувствую её шкурой, всей спиной потной. Понимаю – догонят, не пощадят никого, даже тележным колесом мерить не будут.

Пассажирка моя что-то кричит по-своему, женщины волосы распускают, гребни из кос достают, окна в салоне пооткрывали и гребни за собой на дорогу кидают. Я в зеркало глянул – за нами лес встал непролазный, ветки переплелись сетью. Слава Пророку думаю, отвязались. Пяти минут не прошло, снова чертова музыка загремела. Женщины мониста пообрывали, побросали в окошки – град пошел, да такой что быка с ног собьет. По стеклам колотит, по крыше, видимость никакая, чудом с обрыва не съехали. А те, с дудками, хоть бы притихли. Снова не помогло. Тут старик встал, посох взял, поцеловал в навершие и отпустил в люк. Смотрю – и душа в пятки, на дороге змея громадная, шипит, хвостом лупит. Я скорость до ста выжал, лечу, слышу за спиной крик, грохот – и тишина. Мертвая-мертвая. Оторвались.

Я помедленнее пошел, вижу, дорога знакомая, едем мы напрямую к Малому Садовому, по бахчисарайской трассе, «жигуленок» какой-то навстречу просвистел, огоньки в домах виднеются. Беженцы попритихли, детей качают, молитвы свои твердят. Мальчик кудрявенький флейту достал, заиграл, да так жалостливо, слезы на глаза наворачиваются. Я в зеркало глянул, проверить, чистая ли за нами дорога – а у флейтиста копыта вместо ботинок и рожки на голове растут. Тут пассажирка моя снова твердит: «вперед». И по грунтовке наезженной мы выруливаем на вершину Кулле-Бурун. Крепость там «Сиреньская», как отец говорил – и вправду испокон веку там белой сиренью склоны заросли, крупной такой, не во всяком саду найдешь. «Остановка», говорю, «кто на вы-

ход». Пассажиры мои по одному осторожненько выбираются наружу, кланяются мне и уходят в ворота у круглой башни – как и не было их. Я потом салон убирать хотел – ни соринки, ни катышка овечьего не осталось. Рыжая красавица вышла последней. Снова золото мне протянула, браслеты кованые. Я не взял – за такое не берут платы. Так она в лоб меня поцеловала и в губы, обняла сильно... и цветами от неё пахло, горькими лесными цветами, Аллах... Ты не думай, я свою Равилю люблю, и ни разу от неё не гулял, но поцелуй этот на всю жизнь запомню. Вот стою на вершине горы, ветер меня, дурака, по щекам бьёт, туман кровь студит. Вокруг ни души, тишь предутренняя, только далеко-далеко барабаны стучат чуть слышно бам-бам, бам-бам.

И привиделся мне вдруг золотой разукрашенный город на перекрестке дорог. Ходит царственный внук по ковровой юрте, пьет кумыс из обкусанной по краям дедовской чаши, рисует карту китайской тушью, чертит стрелки – откуда пойдет конница, где поставить орудия стенобитные. У ног повелителя борзая собака с шелковой шерстью. За тонкой стенкой ржет-беснуется белый жеребец, просит – поехали по степи, обо всем забудем. И пастушья дочка, безвестная и бесценная, подает ароматный чай в фарфоровой чашке, смотрит снизу лукаво, позвякивает браслетами – чья здесь власть, чья воля, великий хан?

Тут и дождь полил, в чувство меня привел. Как я с Кулле-Буруна выезжал на своем ПАЗике, как выруливал – врагу не пожелаю. К утру был дома, выжатый как лимон, Равиля на меня посмотрела и на работу не отпустила, позвонила диспетчеру «грипп у мужа». А шарик этот в салоне нашелся, в бардачок закатился. Вот такая история... Зеленое – есть на выход?

Мальчик и девочка молча выбрались из автобуса, скрылись за поворотом дороги. Мы с шофером остались вдвоем в салоне, в темноте, полной гула мотора, неспешного, но уверенного движения. Звезды выкатились на небо, провожали нас острыми взглядами, прятались за клочками кружевных облаков...

Он свидетель и помнит все. До Биюк-Узенбаша я должен убить этого человека. Безболезненно, незаметно, легко – укол серебряной стрелки, едва царапнувшей кожу. Шофер вернется домой, съест свой ужин, ляжет спать немного раньше обычного и никогда больше не проснется. Мирная, непостыдная кончина – чего ещё пожелать? Жена поплачет и останется тихо вдоветь, младший сын займет отцовский дом, старший внук вскоре станет на дедово место. Я владетельный князь Феодоро, Александр Гаврас, кровный родич базилевсов великого Константинополя, жизнь и смерь всех живущих в долине – в моей руке, в моей воле.

Добрый человек Рамазан не взял платы с Марии, моей дорогой и беспечной сестры — зря, красное золото затмило бы ему взор. Он запомнил дорогу от замка к замку и сохранил клидий, ключ от потайных троп. Добрый человек Рамазан разговорчив, беспечен и раскроет любому секрет последних жителей забытого княжества. Наши враги хитры и коварны, внимательны и жестоки. Они поклялись истребить род Гаврасов до последнего семени, выкупить нашей кровью свою свободу. А мы поклялись выжить, дождаться долгого мира в Тавриде, синего плаща богородицы в синем небе. И держим клятву, поднимаем флаги на башнях, твердим молитвы на языке епископа Иоанна и святого Никиты Готского, оберегаем путников и приумножаем стада, собираем урожай с заброшенных виноградников, чистим колодцы и пестуем родники.

И не ссоримся с теми, кто ведет свой род от Лилит и её потомков, от богов Одиссея и веселых духов лесов и рек. Мы плоть от плоти Тавриды, чужие зерна, навсегда вросшие в эту землю. Я щит и меч, можжевельник и башня, я храню свой народ, чту законы и не имею права на слабость... Но мы разделили хлеб.

- Послушайте, уважаемый может, подскажете, где бы мне отыскать ночлег в такое позднее время? Есть в Счастливом какая-нибудь гостиница, гостевой дом, караван-сарай?
- Зачем сарай, дорогой? Гостем будешь, а с утра разберешься, куда тебе надо.

Мы сидели в уютном дворике до утра. Неразговорчивая, но любезная Равиля накрыла стол так, словно ждала дорогого брата. Вопреки заветам Аллаха, Рамазан достал кувшин домашней настойки на шелковице, сладкой и терпкой одновременно. Добрая выпивка развязывала языки и согревала сердца. За эту ночь я узнал о шофере все, принял в себя память заполошной чужой жизни. А на рассвете угостил щедрого хозяина редкостным золотистым вином. Один глоток дарует забвение, смывает с души горькую тяжесть прожитых лет, второй – навсегда стирает дни и недели. Третьего я не дал. Последнюю лозу Диониса какой-то дурак чиновник приказал вырубить тридцать один год назад, заодно с вековыми узенбашскими виноградниками. Запасы почти иссякли, но князь платит долги по чести и самое драгоценное вино в мире не стоит человеческой жизни. Разговорчивый Рамазан никогда не вспомнит ни меня ни Марию, ни дорогу сквозь осенний перепуганный лес. Я же вернусь домой.

Солнце ещё не поднялось, легкий свет едва тронул вершины гор, пробежался по пестрым склонам, занял розовых красок для облаков. Речка прыгала по камням, с плеском несла

сладкую воду вниз в долину, к иссохшей, измученной летней жарой земле. Автобус, покрытый налетом росы, дремал на площади. Я позвал клидий – и лиловый шар наполнил ладонь привычным тяжелым холодом. Все чисто – ни разбойничьей шайки ди Гуаско, ни пехоты наглеца Ломеллини, ни проклятых янычар кровопийцы Ахмет-паши...

На остановке у магазина, прямо на бетонном полу, мирно спал местный пьяница, рядом с ним безмятежно дрых черный пес. Я прищурился – так и есть, старый шайтан притворился собакой, собирает дурные слова. Ну и черт с ним! Я вдохнул свежий воздух, пахнущий яблоками и дымом, трижды хлопнул в ладоши. Рыжий конь, верный Сын Грома, унесет меня в замок. Верхогляды-туристы уже разъехались, пора готовиться к осеннему пиру, созывать родичей, примиряться с врагами на одну ночь в году. Стены Дори, пещеры Мангуп-кале ждут своего князя.

Вперед!

BTOPOE MECTO

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Руслана Нурушева «Сказка об ученом дундуке»

Есть определённые критерии, которые я ценю в любом художественном тексте. Умение поставить себя в позицию другого. Яркая деталь, вокруг которой начинает вращаться ум героя, от которой начинается его путь по Радуге. Хватание читателя за руку, когда вырваться до конца сюжета невозможно. Но выше всего я ценю непредсказуемость финала. Как часто финал оставляют открытым, по-сериальному обещая продолжение. Но продолжение только тогда и возможно, когда его не ждёшь.

Автор «Сказки об учёном дундуке» вроде бы шёл по пятам Михаила Успенского и Ольги Громыко, делая крепкое деревенское фэнтези, с большим количеством солёных острот и весёлого амбарного быта, но в итоге мы получили волшебную притчу, скорее в духе ирландских, а не славянских сюжетов.

Здесь есть пророчица (Тётка Берка). Есть Наставник (Дед Тарас-Бильба). Есть богатое на приключения детство (Спицы-невидимки, вечно-жевательный механизм, побег на войну). Есть носители иной философии жизни (Лобач с арбузом в руках). И много чего ещё. Мир крепок, населён, подробен.

Есть искушение колесить по нему и смеяться в полный голос. Но мы не в сериале. Мы в ином жанре. В короткой прозе жизнь героя летит, как стрела. Насквозь.

Вот и демиург Руслан Нурушев поманил читателя распахнутыми горизонтами, чтобы не развеселить, а оставить в ошеломлении. Не будет у этой сказки продолжения. Она просто, как в песне Олега Медведева, «никогда не кончится».

Читатель хочет быть обманутым. Фантастика вообще искусство обмана, но обмана настолько искусного, что ты сам вычленяешь в нём правду. И здесь я получил весь спектр иллюзорных эмоций, кроме разочарования.

Руслан Нурушев

СКАЗКА ОБ УЧЕНОМ ДУНДУКЕ

Дундуки — название племени, населяющего окраины Тьфутараканьского уезда. По преданию произошли от легендарного князяакадемика Дундука, сосланного царем Горохом IV в Тьфутаракань за ересь круглоземья, однако новейшие этнологические исследования доказывают, что Д. составились из местных племен чудиков. Основная масса Д. — сельское население, живет натуральным хозяйством (в основном земледелием с подсобным скотоводством, немного бортничеством и охотой), но, помня своего легендарного князя-прародителя, с почтением относятся и к наукам, вследствие чего из дундучьего племени вышло немало знаменитых ученых. И в целом Д. отличаются умом и сообразительностью.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Санкт-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.

I

Что Туктуку Зимогору на роду написано стать ученым мужем, было ясно с самого начала. Так, по крайней мере, твердила всем повитуха Берка, принимавшая роды, за длинный язык прозванная Помелом.

– Они же, малявки, поначалу сразу в крик, и голосят, пока мамка титьку не даст, а энтот, – и Берка удивленно цокала языком, – глазёнки, значитца, открыл, похлопал так, головкой повертел эдак по сторонам и пискнул: «Где я?» Чуть сама не родила!

– Ну, ты, кума, метешь! – не выдерживала тут Луга, мать Туктука, и возмущенно вскакивала с завалинки, где по вечерам собиралась на посиделки вся женская половина Малой Кручи. – Ты ври-то, ври да не завирайся! Это ж надо такое удумать – сосунок заговорил! Может, он тебе еще и бражки попросил кружечку?! Не было такого, подруженьки! Как все голосил, и заговорил в срок, как положено, – «мама», «тятя», «деда»!

Молодые девки, слыхавшие историю не в первый раз, только хохотали (да и кто постарше – тоже прыскали в платок), и лишь старая Белава, украдкой улыбаясь, примирительно тянула Λ угу за подол.

- Сядь, дочка, не мельтеши. Али Берку не знаешь? Ейный язык без костей! Пущай мелет, и нам забава.
- Вот и я говорю, как ни в чем не бывало продолжала Берка, глазёнками, значитца, хлопает, оглядывается так с интересом, а когда пуповину резать начала, аж язык от любопытства высунул: чего это я там делаю? Я сразу смекнула: э-э, быть тебе, крестник, большим ученым! А когда мамке передавала, он мне подмигнул так и шепнул: «Спасибо, тетя Берка! Вырасту книгу про тебя напишу!»

Тут от хохота валились все.

... Тетка Берка, конечно, «мела», но и сама Луга примечала, как не похож третий сынок на старших в той же поре: и взгляд смышленей, и головкой вертит и впрямь с любопытством, а уж кормить его – то еще представление! Вначале одну грудь пососет, почмокает так задумчиво, будто мёд свежесваренный пробует, потом – другую таким же манером, и лобик морщит, пытаясь понять, где вкуснее, чем несказанно веселил отца.

– Ай да малец! – и Бажук Зимогор в восторге хлопал себя по колену. – Знаток растет! Учитесь, балбесы!

Последнее относилось к старшим братьям «знатока», Тамтаму и Тактаку (именами в семействе заведовал дед Тарас-Бильба, а он, увлекавшийся, помимо прочих наук, чужеземными языками, любил диковинные имена, даже себе из старинных книг раскопал, так что настоящего никто и не помнил).

Да и рос Туктук не по годам рассудительным и пытливым. А в года четыре он и сам выбрал ученую стезю.

В тот день отелилась Беляночка, и Луга с утра торчала в хлеву, хлопоча над теленком, а домашние заботы поручила младшенькому (братья с дядьями ушли в лес на охоту, дед спозаранку заперся в мастерской, варя очередное алхимическое зелье, отец же, как всегда, разъезжал по окрестным деревням, скупая ячмень для продажи в городе).

- Дед! и Туктук, покосившись на гору грязной посуды у печи, что предстояло перемыть, требовательно посмотрел на Тараса-Бильбу, когда тот забежал на кухню глотнуть пива. А ученые моют посуду?
- Ха! Нет, конечно! дед еще раз приложился к кувшину, утер бороду и приосанился. Кабы я посуду мыл, когда б я науками занимался? Наука это дело такое! Требует сосредоточения, тишины, не отвлекал чтоб никто. Когда я с книжкой в саду сижу, думаешь, я сплю, что ли?

По правде сказать, Туктук так и думал (и даже проверял не раз, щекоча перышком в дедовском носу), но промолчал.

– А я размышляю! – и дед назидательно поднял палец. – Ибо призвание к этому имею! Пахать в поле – дело нехитрое, это каждый дурак может, а попробуй-ка квадратуру круга помыслить? Это тебе не семечки на завалинке лузгать!

- И полы не метут?
- Xa! развеселился дед. Чудной! Где ж ты видал ученых, чтоб полы еще мели?

Туктук задумчиво пожевал губами и решительно тряхнул головой: судьба его была решена!

– Ты, малой, только мати не говори, что я заходил, – Тарас-Бильба с опаской оглянулся на дверь и торопливо убрал кувшин на полку. – Скажешь, дядьки были, а дед у себя всё иск...икспириментирует, не выходил даже.

Но Туктук его уже не слушал и не слышал – мечтами он уже был там, в светлом царстве квадратуры круга, где не моют посуду и не метут полы...

С той поры и захотелось ему учиться, и учение началось: дед учил дундучьей грамоте, письму, чалдонским и прочим тьфутараканьским языкам, нынешним и старинным, а позже – и алхимии с механикой, сосед-лекарь Мох Бобр – естественным наукам, а местный хронист Зор Сухарь – истории и политике. Но больше он учился сам, часами просиживая в дедовской библиотеке с летописями, преданьями, землеописаниями и диалогами мудрецов. Луга, конечно, поначалу ворчала – хватит нам одного умника! – но потом махнула рукой и смирилась: работников в семье – достаточно (когда Туктуку стукнуло пять, у него появился еще один брат Тикток), еды да кваса – вдоволь, с них не убудет, может и фамилию прославит.

II

... Как-то раз через Малую Кручу проезжал воевода со свитой и дундуки высыпали на улицу поглазеть на управителя Тьфутаракани. А Туктук, шнырявший в толпе с прочей детворой, с удивлением подметил, что, когда коляска воеводы разгонялась, спицы в бешено крутившихся колесах словно

исчезали, растворяясь в сплошном мельтешении. Тогда его и осенило, как можно стать невидимым, – быстро-быстро вертеться! Он даже запрыгал от радости – ура! шапка-невидимка у него в кармане!

- ... А это точно не больно? с опаской, шмыгая носом, переспросил четырехлетний Тикток, когда Туктук, понявший, что себя ему так не раскрутить, предложил брату стать невидимкой. А мамка точно не увидит, что я леденцы беру?
- Точно, точно! Это ж наука, балбес! и Туктук, пыхтя и отдуваясь, взяв братишку за подмышки, начал медленно раскручиваться...
- $\dots$ Я тебе покажу невидимку! Я тебе покажу спицы! Луга, так и выскочившая во двор со скалкой на вопль младшенького, гонялась за горе-ученым по огороду, а Тикток, чуть не снесший плетень и шлепнувшийся в заросли крапивы, тихо и испуганно хныкал.
- ... Разве это справедливо, дед? жаловался Туктук вечером Тарасу-Бильбе, пока тот смазывал ушибы от скалки. Это ж искпиримент был!
- На дундуках икспириментировать нельзя! строго сказал дед и поднял палец. Не-э-тич-но!
  - А на чалдонах?

Тарас-Бильба хмыкнул и почесал бороду:

- Ну, ежели без членовредительства и по согласию...
- Эх, нет в жизни справедливости! Туктук махнул рукой и уныло вздохнул. И леденцы, наверно, перепрятала.
- Постой, малой, и дед озадаченно воззрился на него, а как ты собрался леденцы брать? Ежели, положим, смог бы ты раскрутиться так, что невидимым стал, то и ты бы всё видеть перестал! Спица, чай, когда крутится, тоже одно лишь мельтешение вокруг зрит!

- У спицы глаз нет! быстро нашелся Туктук. А у меня есть!
- Э, малой, словоблудствуешь! Тарас-Бильба, хитро прищурившись, покачал пальцем. По твоему, выходит, ежели...

И у деда с внуком завязался очередной ученый диспут.

III

... Выйдя с урока механики, где дед долго и путано объяснял, как работают рычаги и почему нельзя построить вечный движитель, Туктук задумался. Хорошо, вечный нельзя, но вот мельница Борща Пескаря – крутится и крутится, и будет крутиться, пока течет Зура. И ветряк Глыбокопов будет махать крыльями, покуда ветры дуют. Не вечные, но на дундучий век хватит с лихвою, а стало быть – почти вечные. Главное – найти силу, постоянную и дармовую. Как река или ветер. Вот, например... Дошедший до околицы, Туктук оглядел луг и взгляд его упал на пасшегося Бугая, – соседский бык лениво, но не переставая, жевал жвачку и так же лениво отмахивался хвостом от слепней.

И Туктука осенило: вот она, мощь дармовая! жует-то он постоянно! Туктук зачарованно смотрел, как равномерно и размеренно движутся бычьи челюсти, как мелькает розовый язык, – сколько силы пропадает зря! Можно, конечно, на нем и пахать, но там же ноги, спина да шея работают, а вот челюсти-то без дела простаивают! Упущение! Что там дед сегодня объяснял про рычаги, приводы да ременные передачи? В голове складывалась стройная схема, как использовать жвачные движения, как перевести их в полезную работу, а руки уже снимали с портков пояс. Так-так, для начала надо его прицепить к челюсти, прикинуть, а там понятно будет, что и куда

дальше тянуть. И Туктук с пояском в руке, не спуская глаз, стал медленно подбираться к Бугаю, ласково кивая: хороший бычок, хороший...

- ... Разве это справедливо, дед? и Туктук охнул, пока Тарас-Бильба с Бобром на пару перевязывали ему помятые ребра. Я только попробовать хотел, даже не успел ничего, а он сразу на рога! Скотина!
- Что с твари бессловесной взять? Тарас-Бильба философически пожал плечами. У ней другое призвание, низкое, ей квадратуру круга не объяснишь. и, достав из шкафа пузатую бутыль, подмигнул лекарю. Ну что, сосед, восславим науку за здоровье внука?

IV

... Как-то раз в «Старом хряке», единственном трактире Малой Кручи, Тарас-Бильба устроил открытый диспут, вызвав на ученый поединок Лобача Землемера из Большой Кручи, дундучьего селенья на другом берегу Зуры, в паре верст от моста. Лобача, с которым дед завязал однажды спор на уездной ярмарке, а потом и переписку, в просвещенных кругах уважали как знатного геометра и механикуса, и пикироваться они намеревались о материях самых высоких.

Народа в трактир набилось немало (дундуки, охочие до зрелищ, таких забав не пропускали, даже совершенно не разбираясь в предмете), и довольный Возгарь Секач, хозяин заведения, носился по залу услужливым кабанчиком – с кружками, колбасками, подносами и полотенцами, – а сыновья его, такие же ражие молодцы, выкатывали из подвала новые бочки. Стоял шум, гам, кто-то пел, чихал, кого-то окликали, звали, падали со столов ножи, на кухне шипели сковороды, из

распахнутых окон доносился запах сирени и женский смех с завалинки.

Пока ждали гостей, а Лобач обещался быть не один, с учениками, старики собрались у стола Бажука Зимогора, накануне вернувшегося из очередной поездки. Здесь же крутился и Туктук, вошедший уже в отроческий возраст.

- Ну, бродяга, поведай, что на свете белом деется? прокряхтел Дубыня Кривопень, набивая трубку. – Чем земля дышит?
- Дышит она, дядя Дуб, разным, и худым, и добрым, Бажук глотнул пива и покачал головой. Кажут, царь земли новые за Большим Камнем воевать собрался, велит остроги рубить, войско набирать. Как бы и нас податями не обложили.

Все враз зашумели.

- Права не имеют! и Зор Сухарь ударил кулаком по столу, аж звякнули вилки. У нас грамота охранная, еще Горохом Пятым жалованная! Наряды, спору нет, за нами: зерно в города, дороги уездные, мосты чинить подряжались! И на постой возьмем, и лес строевой, коли крепости надобны, дадим под пашню отчего ж не свесть? а чтоб серебром платить, не было такого уговора!
- Верно, Зор! и дундуки в одобрение застучали кружками. Кому за Камень надобно, тот пущай и раскошеливается!

А Туктук мечтательно вздохнул – за горы он бы отправился, края новые посмотреть, земли невиданные.

Но разгоревшиеся было страсти прервал приход гостей с Большой Кручи. Туктук с любопытством оглядел пришедших – Лобач и впрямь оказался лобастым, борода – лопатой, и взгляд упрямый, а вот ученики его, отроки и парни постарше, один с мешком, – дундуки как дундуки.

Когда гости расселись по лавкам, а Секач разнес им свежего пива и закусок, приосанившийся Тарас-Бильба открыл диспут.

– Ну, земляки, собралися мы здесь не ради хлеба насущного, а во славу науки, что озаряет путь и отличает нас от тварей неразумных. И спор наш с почтенным собратом-геомэтром подобен кремню с кресалом, что, уповаю, высечет искру истины. И перво-наперво коснемся мы основ геомэтрии: на чем же зиждется сия благороднейшая наука? Как учат нас древние, основа сия проста, но бесспорна: ежели есть линия прямая и точка в стороне, то через точку эту можно провесть только одну параллель, то бишь линию, что нигде и никогда не пересечет другую, – Тарас-Бильба, подхватив уголек из камина, начертил на полу схему и оглянулся на слушателей. – Все уразумели?

Многие чесали затылки, пытаясь понять, поняли они чегонибудь или нет? И только Супень Трезвон, муж Берки, такой же балабол, ехидно вылез:

– Откель знаешь, что нигде и никогда? Нынче не пересечет, а завтра, глядь, и стакнулись. Гора с горой не сходится, а тут линия какая-то, тьфу!

Лобач хохотнул, но промолчал, а Тарас-Бильба цыкнул на Трезвона и продолжил:

– $\mathcal N$ на основе сей, умозаключая и доказуя, всё в геомэтрии и строится. А вот почтенный собрат Λ обач желает основу сию опрокинуть и на измышлениях пустых науку подвесить!

Тут уж Лобач не смолчал.

– Позволь, достопочтенный Тарас! – выскочил он в середину зала. – Позволь объясниться самому! Основу твою я опрокидывать не желаю, но она не доказуема и посему не единственно мыслимая!

- Как недоказуема?! Тарас-Бильба аж взвился. Зырь сюды! и ткнул в чертеж на полу. Где еще параллель? Только одна и получается! Не больше и не меньше! Каких тебе еще доказательств надобно? Вот она, истина, зрю очами своими, и иного помыслить даже не можно!
- Можно, можно! усмехнулся Лобач и подозвал ученика с мешком. Можно и такую основу найти, что ни одной параллели не провесть! А через две точки хоть сто прямых!

А когда ученик выкатил из мешка арбуз – большой, гладкий, полосатый, но самый обычный, – Лобач взял уголек:

– Вот глянь: полоса – это прямая. А вот точка. Ну-кась проведи хоть одну параллель?

Тарас-Бильба озадаченно крякнул, покрутил арбуз, а потом возмущенно оттолкнул его:

- Так он же круглый! А законы геомэтрии писаны для ровного и плоского!
- А много ль на свете ровного и плоского? Оглянись, достопочтенный Тарас: всюду холмы, горы, овраги где твоей «геомэтрии» место на этом свете? Коли пашню пойдешь мерять, а пашня на холм полукруглый взбирается и спускается, как площадь считать будешь? В уме твоя «геомэтрия» только и есть, а моя везде пригодится!

Спор разгорался, но Туктук смотрел, как по арбузу ползет муравей, и на мгновение вообразилось ему, что это он ползет (Туктук любил помечтать, и порой, увидев стрижа в небе или белку на опушке леса, представлял, как рассекает вышину или скачет по веткам). И так вообразилось, что кожей ощутил гладкую корку, как сменяются черные, зеленые полосы под ним и как огромен плод. А ведь для мураша это целый мир! Мир, где не работает «геомэтрия» древних, где, направляясь с корешка на макушку или обратно, можно выбрать любую

дорожку и в любую сторону, а все равно придешь туда же. Вот если бы и на земле так... И Туктук застыл, пораженный мыслью: а что если и впрямь так? что если Земля... круглая!

... Диспут продолжался долго, чумазые от угля «геомэтры» чуть ли не за бороды таскали друг друга, приводя своих сторонников в шумный восторг – малокручинцы стучали кружками, гости свистели, кто-то скакал по скамьям, а Супень вообще взобрался на стол, откуда вопил в поддержку Тараса что-то нечленораздельное, но Туктук, захваченный новой идеей, словно выключился: а вдруг и впрямь круглая? Мысль казалась невозможной, дикой, нелепой, но разве сто прямых через две точки были возможны? Однако ж вот они – макушка, корешок и хоть сто, хоть тысячу веди!

...Когда на следующий день он поделился идеей с дедом, тот отмахнулся:

- Вздор! Али запамятовал, за что нашего пращура сюды сослали? Уже диспутировали об этом многажды. Видать было бы, коли круглая. Отчего не скатываемся вниз? Да и вода стекла бы.
- Не скатываемся? Так, может, мы на макушке? А вода-то и стекает реки же куда-то текут, может там и низ. А что круглость не видать, так это смотря, какой круг. Коли очень большой, и не заметишь. Вообрази арбуз больше Камня, а ты мурашом по нем ползешь. Да, а мураши-то по арбузу и вверх ногами ползают, а не падают.
- Постой! и Тарас-Бильба подозрительно воззрился на внука. Арбуз, говоришь? Это ты Лобача, что ли, наслушался?!

И диспут на этом быстро закончился: вспомнив «геомэтра», дед распалился не на шутку и Туктук почел за благо улепетнуть, но идея в голову уже запала.

Неделю он копался в библиотеках деда, Бобра, Сухаря, надеясь найти что-нибудь о круглой Земле, но безрезультатно – пока не сообразил: Лобач! Вот кто должен знать хоть что-то! И в одно прекрасное утро тайком отправился через мост за Зуру – в Большую Кручу.

Лобач, казавшийся на диспуте ершистым, резким, оказался на поверку дядькой душевным и приветливым: после занятий с учениками, оставил Туктука обедать и за столом поведал о многих свидетельствах шаровидности Земли — как постепенно появляется из-за морского горизонта парусник, отчего случаются затмения Луны и какой формы тень ее накрывает, как разнится высота светил в разных местностях и прочие астрономические и геометрические соображения. Впрочем, в конце оговорился, что «сие есть покамест гипотеза, хоть и не доказанная вполне, но весьма правдоподобная». А на вопрос, чем же ее можно доказать окончательно, ответил кратко: путешествием — и нарисовал ложкой в воздухе круг. Понять было нетрудно: и впрямь, если пойти с Кручи в одну сторону, не сворачивая, и вернуться в нее с другой, значит, Земля и в самом деле круглая.

- А долго ль идти? Туктук с интересом воззрился на Землемера. Сколько дён, недель?
- Ну ты спросил, отрок! тот хохотнул и насмешливо покрутил лобастой головой. – Разве сие кому-нибудь ведомо? – и, слегка вздохнув, уже серьезно добавил. – Но кто сведает, кто сможет шар земной обогнуть, тот навек себя прославит. И честь родоначальника племени нашего обелит. Не еретиком ведь был князь Дундук, а мужем просвещенным, на многие века вперед прозревшим! Мы, потомки его, только ныне до этого доходим, а он умом одним загодя всё узрел. И кто поклёп тот давний опровергнет, кто правоту княжью докажет, о

том дундуки будут песни слагать, а мужи ученые – жизнеописания многотомные.

С того дня загорелся Туктук мечтой: доказать, что всё-таки она, Земля, круглая, а легендарный пращур их – не фантазёр вздорный, а великий мудрец, обогнавший время.

А через год, когда Туктуку стукнуло пятнадцать, подвернулась и оказия. Слухи о близкой войне оказались верными, и потянулись через Тьфутаракань, за Большой Камень, полки пешие и конные, а за ними – обозы, вереницы подвод с провиантом и фуражом. К одному такому каравану, шедшему в Собольск, и пристал Туктук, решивший, что другого случая отправиться в дальнее путешествие может и не быть. Ничего не сказав ни матери с отцом, ни деду (боялся, что не отпустят), нанялся он погонщиком и летним утром ушел с обозом на восток, определив для себя, что и дальше будет держать путь на восходящее солнце.

В Собольске же подрядился к скупщику пушнины, искавшему подручного со знанием письма и счета, и с ним отправился... в Край Света.

- Куда?! чуть не поперхнулся Туктук, услышав название в первый раз.
- Не полошись, паря! засмеялся скупщик, коренастый, заросший рыжей щетиной чалдон. Городок это у Сыльозера. Живут на отшибе, дальше тайга одна, вот и прозвали так. Зато зверя там не меряно! И соболя, и белка, и чернобурка!

И чалдон восхищенно зацокал языком.

... Но в конце пути выяснилось, что назвали городок не просто так.

Прибыли они в Край Света ближе к вечеру, хотя намечали поспеть до полудня, но зарядивший с утра дождь задержал их.

Пока хозяин его обустраивался на постоялом дворе, Туктук пошел проведать, с кем можно двинуть дальше. Тут-то и обнаружилось нечто несуразное: все местные, как один, твердили, что «на восход» ходу нет – версты через две земля кончается. А на вопрос, чем же она кончается, только удивленно пожимали плечами:

– Дык ясно чем! Ничем! Обрыв без дна, и воздух.

Не выдержав, Туктук решил проверить сам – не хотел он верить в крушение мечты! Не мог великий пращур так ошибаться!

– Ты осторожней тама, сынок! – крикнула ему вдогонку бабка, у которой спросил дорогу. – К краю не подходи! Земля сырая, не ровен час обвалится.

И накаркала.

До последнего надеялся Туктук, что сказки это всё, выдумка невежественных обывателей, и даже когда вынырнула тропка на опушку и в светлых сумерках разглядел обрыв, за которым – ничего, отказывался он верить глазам. Обрыв тянулся в обе стороны и терялся во мгле, и мгла клубилась впереди – в дали без горизонта, но Туктук упрямо мотнул головой и ринулся к самому краю – заглянуть вниз: а вдруг там дно? а вдруг продолжается земля? Но земля не продолжилась – она предательски обвалилась и Туктук, не успев и вскрикнуть, полетел в бесконечную пропасть...

... – Глянь, кума, как зенками хлопает! – он открыл глаза, над ним склонилась тетка Берка и щерилась от радости во весь рот. – А головкой-то как вертит! Титьку ищешь? Любопытный! Э-э, быть тебе, крестник, большим ученым!

И Берка, смеясь, передала младенца Λ уге.

Над Малой Кручей поднималась луна, поздно вернувшийся Бажук распрягал лошадей, Тарас-Бильба тихо шарился по

кухне в поисках заветного кувшина, на завалинке привычно хохотали девки, а Туктук, уже засыпая на руках матери и забывая былое, последним всплеском прежней жизни понял, что круглой оказалась не Земля, а Время...

ТРЕТЬЕ МЕСТО

РЕЦЕНЗИЯ

на рассказ Алены Горислав «Черань»

Поначалу история мне показалось нескладной. Избыточно женской. Узкой. Пока я не дошёл до темы обоснованной утраты. Что если человек не совращается, а сознательно уходит? Что если искуситель – на самом деле спаситель?

Каждое художественное произведение несёт свою формулу, завёрнутую в шёлковую ткань вопроса «Зачем?» Зачем оно написано? Зачем автору именно этот мир? Зачем в этот мир входить читателю? А ещё вопрошатель Алиса Горислав задала вопрос и на него же ответила: «Зачем короткая проза?»

Разделённый надвое узкий мир девочки Зарни ближе к пространству стихотворения, чем рассказа. Он словно смазан, только намечен, обещан шёпотом, где каждый звук может сместиться, стать иным словом. В этом рассказе читатель невольно вступает с автором в противоборство за трактовку сюжета, дописывает всё нерассказанное сам. И ведь до самого финала верится, что этот рукотворный Ниффльхейм способен странствовать по чужим книгам, перебрасывая своих героев из одной вселенной в другую. Потому мне хочется верить, что

мой вариант дописанной реальности может быть воплотим. Несколькими способами можно прочитать последнюю фразу.

Выступающие из тумана героини дышат настолько убедительно, что пусть их путешествие длится вечно, за границами крошечного кадра, за границами «малого жанра». Для того рассказ и служит, чтобы запустить читательскую фантазию, чтобы подарить начало дороги, а не весь путь целиком. Много невероятных пейзажей увидит Зарни. Заглянет и в мир кислотных комиксов, и романов плаща и шпаги, и космических станций. Не постареет. Станет новым Агасфером. Но это моя трактовка. Читайте свою.

Алена Горислав

ЧЕРАНЬ

Тогда ничего не было, кроме тумана.

Сизая мглистая дымка окутывает мир, погружённый в ленивые грёзы, и отовсюду доносятся шепотки, чудящиеся люду простому не боле чем поющим средь разнотравья лугов ветром, не боле чем скрипом вековечных елей и сосен, не боле чем журчанием ручьёв, вырывающихся из-под талого снега вместе с первыми робкими цветами. Закрыв глаза, Зарни слышит рассказы безымянных и безликих богов, и говорят они о грядущем и минувшем, о людях и зверях, о нравах стихий, о дожде и об урожае. Достаточно уметь лишь слушать уважительно – и мир податливо раскроет свои тайны.

Она открывает глаза, и порыв холодного ветра ударяет ей в лицо. Печора скрипит, и огромные льдины, сталкиваясь друг с другом в скорых серых водах, натужно кряхтят, вырываясь из объятий реки. Видать, год выдастся тяжёлым: на каменистом берегу, точно ящеровы мёртвые туши, покоятся выброшенные вечно недовольной и строптивой рекой льды. Зарни перешагивает аккуратно корягу и ёжится, стискивает белый камушек на шее: злобный шувгей кусает лицо, царапает пальцы, сковывает ноги, врезается в кости – да душу никак не заденет. Пущай воет, сколько пожелает. Зарни его ничуть не страшится.

Подёрнутые коркой льда камни стрекочуще шуршат под ногами, и Зарни оступается неловко – только и успевает схватиться за корягу, расцарапав до крови, красной, как земляничная ягода, ладони. Она ругается совсем тихо, себе под нос, жмурится, сжимает руки в кулаки, честно стараясь не плакать,

и подходит к реке ближе. Холодная вода грызёт не слушающиеся ноги, впивается железными зубами в истерзанные до крови руки, и с каждым шагом – лишь трудней дышать; Зарни, выдохнув шумно и тяжело, вдруг погружается с головой в Печору.

Вокруг ничего нет, кроме темноты и смутных, призрачных образов.

Глаза она открывает уже в бане Чушканзи, в деревянной чарке, наполненной тёплой водой. Баня пахнет душистыми травами, благоухает нагретыми соснами, и Зарни, наконец, перестаёт дрожать и выбирается из чарки; с одежд на пол стекает вода. Под потолком дрожит от неаккуратного движения раскидистая серебристая паутинка трудолюбивого чераня, но самого паука нигде не видать.

– Пывсянса, Пывсянса, не серчай, зла не насылай, – шепчет Зарни одними губами. – Без умысла дурного побеспокоила, да с нужды большой, сам то зришь. Из бани не гони взашей, тебе я лука принесу печёного, нянь ячменного.

Баня отвечает тихим скрипом-вздохом за спиной, будто смирившись с тем, что смертные никак не прекратят свои нелепые игрища и не оставят в сонливом покое, но Зарни того достаточно: выходит она тотчас же, не искушая более судьбу. Едва лишь отворив дверь, она ёжится: пропитанная водой одежда липнет к телу, и Зарни, обхватив себя руками, мчится к деревянному дому — совсем не родному, Чушканзиному. Отчий так и остался железным с медным мхом, гниющим безмолвно на опушке, и давно там не слышишь ни человечьего голоса, ни скрипа половиц, ни ударов молота по наковальне; не видишь ни печного дыма, ни клокочущих кур, ни белья на верёвках. Никто к нему не хаживал, и сама Зарни обходила по дуге, боясь даже глянуть.

В горнице её уж ждёт Чушканзи – сидит на лавке да пучки сухих трав перебирает, обглоданные муравьями лягушачьи косточки раскладывает и прячет в сундук.

- Вести какие есть? вопрошает та, не приветствуя. Тревожится, видать.
- Печора льдины гигантские на берег бросает, отзывается Зарни, закутавшись в шерстяное одеяло и мелко дрожа. Станется год тяжёлым.

Уставшая и изнемождённая, постаревшая словно на добрый десяток лет, Чушканзи отрывает взгляд от высушенных трав, листочков, кусочков коры и плодов; и морщинистые руки её мелко дрожат. Зарни порывается было подойти, помочь, закончить за наставницу работу, и стремление её видно в этом торопливом шаге, но Чушканзи отмахивается от ученицы:

– Отдохни, будь добра, милая, – хрипит она. – И отогрейся как следует. Потом пойдём к Чикыш вместе.

Повисает тишина, нарушаемая мерным скрипом поленьев в печи, где и сворачивается комочком Зарни. Чушканзи чтото нашёптывает себе под нос.

Когда-то, пока приносили люди жертвы кровавому Шурме, жившему на Солнце с вороном своим кровавым, человек не знал ни бед, ни лишений: никто не пахал и не сеял, и всякая благость рождалась сама, по одной только воле Шурмы. Цена была невысока: раз в неделю подносить двоих мальчишек, двоих девчонок и трёх овец. Только воспротивились однажды люди, и тогда Шурма наслал на них своего ворона: тот выдохнул из клюва пламень, пожёг города и селения, изничтожил леса, предал живьём огню замешкавшихся и гнал, гнал оставшихся в живых в закат, пока двое не приткнулись к берегам могучей Печоры, где и остались.

– Как думаешь, что будет дальше? – спрашивает вдруг тихо Зарни.

Чушканзи не поворачивает головы, раскладывая лягушачьи косточки, обглоданные старательными муравьями, в сундуке:

– Из года в год мы всё ропщем, дескать, сделается всё дурным и невыносимым, но так и живём, – она пожимает тощими, костлявыми плечами. – Всё ждём всего наихудшего, а оно не является. Так, быть может, выстоим и в этот раз?

* * *

Ночи в это время года стоят льдистые, дышащие морозным холодком, какой вырывает клубящийся пар изо рта, но ни одно облако не застилает небосклон, чёрной пеленой окутывающий дремлющий мир. Звёзды ленно и далёко сверкают над головой, словно драгоценные камни, встречающиеся порой богатыми россыпями по берегам стозвонных горных речушек, едва удостаивая копошащихся внизу, в мире живых, смертных надменными взглядами, а после вновь точно бы отворачиваясь от них и теряя всякий интерес. Однако с готовностью они учат разумению всякого, кто может разгадать их причудливый ход по высоким небесам и услышать плетение их строгого блеска, и потому взирают сверху вниз на Зарни они с тайным любопытством, как будто вопрошая, чем же удивит их она, смело глядящая с промёрзшей земли, чем же таким приманит к себе, вынуждая следить и следить, а после – подбрасывать подсказки.

Резные каменные идолы, поросшие мхом и лишаем, точно старческими бородами, глядят будто с осуждением, широко распахнув круглые глаза без зрачков. Навек смурные, носатые надзиратели недовольно поджимают толстые губы, и каждый раз в их присутствии делается страшно: того и гляди, загнева-

ются, грозу накликают или хвори какие набросят, будто сеть. Такое случалось прежде, но сама Зарни не видела: только Чушканзи рассказывала, как раньше идолы вдруг принимались крутить бешено глазами, как если бы в них вселилось дурное зло, как исходили их рты пеной, как трещали вековечные камни, а после из небес ударяли многие и многие молнии, Печора беленилась волнами, и долго лил жуткий дождь, побивший весь ячмень, а репа вся сгнивала в промокших насквозь домах.

Зарни переступает с ноги на ногу, но идолы, хоть и хмурились, столь явного недовольства не проявляют, а потому Зарни решает глянуть на них украдкой. Но только украдкой!

– Дурной знак, – качает головой жрица Чикыш, стоит Чушканзи завершить рассказ о тёмных видениях грядущего. – Кабы жертву приносить не пришлось.

Зарни переглядывается с Эзысь, теребящей подол шерстяного платья, – совсем маленькой девочкой, ставшей ученицей самой Чикыш всего год назад. Её зубы едва-едва встали на места, а она уже постигает тайные премудрости ворожбы; и, похоже, получается у неё даже слишком хорошо. Чушканзи глядела порой на Эзысь недружелюбно, как если бы замышляля что тёмное, насквозь дурное, но стоило появиться неподалёку всевидящей Чикыш, как взгляд её тут же менялся на благосклонный и по-матерински мягкий.

Спрашивать Зарни никогда не решалась.

– Из года в год мы видим знаки всего дурного, – парирует Чушканзи. – Но ни разу за пять лет не приключилось всего того тёмного, что ждали, и к чему готовились. Того и смотри, возропщет недовольный народ: только и делаем, что стращаем их всеми немыслимыми карами богов, а боги меняют свой нрав тотчас же.

- Может, потому и меняют, что видят наши тревоги? Чикыш отбивает слова тяжело, точно кузнец, выколачивающий из земных металлов орудия. Может, не озаботимся сейчас, потеряем бдительность, как боги сразу сменят милость на гнев?
- Может, пожимает неопределённо плечами Чушканзи. А может, думать побольше о людях надо. Не боишься, что пойдут к Кудым Ошу, когда надоест им подчиняться твоим тревожным предсказаниям, из каких не сбылось ничего?

Чикыш щурится недобро, а над головами их точно собирается разразиться не гроза, но самая настоящая буря – такая, какая утягивает за собой многие и многие жизни.

– Я услышала тебя, – отвечает она, вздёрнув гордо подбородок.

Тишина в лесу – только снег под ногами ломко хрустит, и Зарни старается ступать осторожнее, боясь потревожить. Лыжи уже не пройдут в такое время, когда снег, подёрнутый искристыми плоскими кристаллами льда, особенно хрупок и проваливается, едва ступишь на него. Скрипучие сосны, сонные после зимнего безмолвия, шуршат, переговариваясь меж собой, высокими кронами, и Зарни, беззвучно шевеля губами, подговаривает им в такт. Ветер путается в её волосах, гуляет между крон, посвистывает незамысловато в давящих облаках, приносит с собой далёкий грохот речных льдин и шёпотки из густой чащи.

Многие и многие безымянные боги, живущие средь трав и деревьев, в каменных пещерах и топких низинах, в реках и озёрах, зычно шепчут изо дня в день на ухо свои дивные тайные песни, чудящиеся люду простому, не посвящённому в секреты старины и божественного, не более чем шелестом

листвы, перешёптыванием ветра, яростной молнией или милосердным дождём. Шёпотки разносятся за спиной, глядит всякое смутное, как видение, создание в спину. Если обернуться и всматриваться в лес, то непременно столкнёшься с кем-нибудь взглядом, а потому Зарни, стоически не замечая чужих глаз, бредёт дальше и останавливается только близ старой тонкой осинки.

Задрав голову, щурится: и видит дятлово дупло. Чирикают голодные мартовские птенцы в ожидании матери — Зарни слышит, как далеко клокочет та, но поторопиться всё равно стоит. Из сумки Зарни достаёт деревянную втулку и, ухватившись за осиновый ствол, ползёт вверх, к дуплу — на неё глядят птенцы, широко распахивают клювы, но пищи им Зарни не даёт и вместо того закрывает вход в дупло.

Вернувшись, дятел стучит клювом сильно и гулко по втулке, но справится с ней не может. И улетает: всё как говорила Чушканзи; улетает, чтобы вернуться с острой серебристой травинкой в клюве – резун турун. Дятел открывает дупло, бросает травинку и забирается в него, а Зарни подбирает находку: самой пригодится.

Чушканзи она говорить не стала о том, как если бы сарий волос нашла – иначе исчезнет, как будто и не бывало.

* * *

Мерно бегут дни друг за другом, и всё увереннее делается великое Солнце: снег блестит в его лучах, звонко поёт капель, раскрывают крылья птицы и тают льдины на печорском берегу. Дурного так и не приключилось, сколько б ни всматривалась бдительно Чикыш в знаки и сколько б ни вслушивалась настойчиво в божественный шёпот. Идолы, будто насмехаясь, молчат, даже бровью не ведут, глядя, как тревожится люд.

И, наконец, страх ушёл. Предчувствие беды растаяло, как напоровшийся на Солнце утренний туман, ползущий ленно по низинам, и Зарни сумела выдохнуть спокойно.

Квохчут курицы, мяргают кошки, брешут собаки – город продолжает жить, ни снесённый на могучей водной стихией, ни сожжённый безумным пламенем от небесного света, ни вывернутый с корнями из земли буйным ветром, насланным врагом. Охотники убрали подальше лыжи, рыбаки раскинули сети, а освобождённая Печора, бурча потоком, уносила свои воды в дальние дали.

Зарни, щурясь, улыбается Солнцу.

Вот только уже вечером стучится в двери беда.

Когда показалась на предзакатном небе осторожная Луна, когда блеснула серебром, тогда прибежала испуганная Райда к дверям Чушканзи. Растрёпанные волосы, повязанный наспех пояс, мятый платья подол – она стучала так неистово, как будто гнался за ней сам омоль; а едва ей отворили, принялась бормотать сбивчиво.

– Успокойся же, – вздыхает тяжело Чушканзи и усаживает женщину на лавку. – Успокойся и повтори, что случилось. Ничего из твоих слов не понятно.

Райда всхлипывает: глаза у неё красные, заплаканные.

- Девочка моя... Авъя... нет её с самого утра.
- Почему не пошла к Чикыш? уточняет Чушканзи.

Райда глядит испуганно:

– Так Чикыш и послала Авъю по поручению! Дескать, пряжу достать из лесного озера.

Чушканзи и Зарни переглядываются. Нехорошо.

– Я пойду за Авъей и найду её, – решительно проговаривает Зарни, и наставница не успевает девчушку толком остано-

вить, как Зарни хватает Райду за руку и, глядя той в глаза, повторяет снова: – Вернусь с Авъей или не вернусь вовсе.

– Зарни! – одними губами шепчет Чушканзи, но Зарни не слышит её.

Райда глядит так благодарно, что любой страх отступает.

– Покажи, где вошла она в лес, – не говорит, но приказывает Зарни, и Райда безропотно кивает, не в силах противиться.

Чушканзи глядит в отчаянии и тихо шепчет молитвы себе под нос.

Не взяв в собой ничего, окромя подношений лесному царю, резун-туруна и защитного серебряного амулета, Зарни ушла. Чушканзи много ругалась, да разве послушала бы её Зарни? Раз обещалась, то выполнять надо.

* * *

Лес-мир скалится, щерится, клокочет, шуршит, дышит, шепчет, бормочет, стрекочет, урчит, ухает, подвывает, скрипит, трещит, кричит, шебуршит, шелестит – темнота крадётся по пятам, кусает хрупкий снег, ломающийся под каждым шагом, наблюдает из-за чахлых стволов, воткнутых в землю, как кости, и свисает, касаясь скользко лица, мхами-бородами. Зарни проваливается по колено в снег и вскрикивает, судорожно хватаясь за унылую сосну, накренившуюся и готовую вот-вот провалиться в вечный сон. Мокрая кора едет под холодными пальцами, расползается, как влажный песок, и Зарни бесконечно падает, хватаясь руками за плотный воздух, никак не дающийся ей. Снег, лёд, вода холодного озерца тянут за ноги, впиваются острыми когтями и не отпускают.

Когда она открывает глаза, то понимает: получилось.

Ва пыдос выглядит точь-в-точь как мир людской. В нем так же, как наверху, пыхтят елово бани, ржут лошади, щиплют

траву на лугах коровы, кудахчут степенно куры, раскидываются бесконечные пестротканые поля, а леса, высокие и величественные, словно подпирают небосвод. Не зная Зарни наверняка, где должна была очутиться, непременно бы подумала, что оказалась в соседней деревне.

Вот только это – не соседняя деревня. Это даже страшнее, чем лес, и скалится кровожаднее, чем дикий зверь: обманываться спокойствием подводного мира не стоит.

Зарни касается невесомо пальцами медного оберегастерегушки на шее – тот жжётся, послушно отзываясь. Если не привлекать к себе лишнего внимания, то дурного не случится: именно так наставляла Чушканзи, именно так выговаривала то в ужасе, то в гневе, стоило только Райде показать верный путь. Веди себя обыкновенно, не заговаривай ни с кем чуждым, бери то, за чем явилась, и ничего боле себе не присваивай – водяная владычица того не стерпит.

– Я пришла за Авъей, – проговаривает негромко Зарни.

Окружающий мир словно выдыхает: проносится тёплый ветерок, колышет травы под ногой, путается в волосах, шепчет на ухо бессвязные песни – Зарни не понимает его речей, пусть и пытается. И правда, всё совсем не так, как наверху. Тропинка, податливо расстилающаяся под ногами, ведёт Зарни вдоль дремучих опушек, откуда чудятся многие и многие настороженные, тревожные взгляды, словно бы местные почуяли пришлеца, но покамест не рассмотрели среди сосен и робко вклинивающихся меж них низеньких, чахлых елей. Зарни не глядит в сторону леса – смотрит строго перед собой и петляет столь прихотливо, как указывает ей дорожка.

Кто бы ни жил в этом мире, да никто не обращает на Зарни внимания. Пока что.

* * *

Выйдя к лесному озерцу, точь-в-точь такому же, как то, в какое ушла с головой, Зарни останавливается в нерешительности и оглядывается, вцепляясь взглядом в мир кругом себя. Слишком тихо, слишком молчаливо – ни ветерка, ни птицы, ни шелеста листьев, ни звериного крика; и только стерегушка на шее жжётся особенно сильно.

Зарни шепчет заклинание одними губами, не дыша, но спокойнее не становится.

Вдруг – отчаянный лебяжий крик, биение могучих крыльев; Зарни выходит с опушки и видит огромную белую птицу – такую, какая и человека могла бы на спине унести, не проломив спины. Лебедь вновь кричит: в плоть её впиваются острые зубья ловушки, и кричит она столь страшно, столь пронзительно, что Зарни боле не может глядеть и бездействовать. Есть правило: не оставляй своего следа в ином мире; есть правило, но Зарни решается его нарушить.

– Стой же! – кричит она. – Стой, не двигайся!

Лебедь выгибает тонкую шею и замирает, дыша тяжело. На глазах её, как чудится Зарни, замерли слёзы; багровая кровь течёт по белому оперению, марает роскошные крылья, капает в озеро густыми кляксами. Зарни достаёт тонкую травинку резун-туруна — и замок клети послушно раскрывает свою пасть.

– Лети. Ну! Лети! Что глядишь на меня?

Зарни машет руками, отгоняя птицу, а та, глянув вдруг с благодарностью, взмыла в высокие серо-голубые небеса, слабо блестящие далёким солнцем. Зарни выдыхает, едва тень скрывается. Острая травинка, зажатая между пальцев, больше не ощущается живой, настоящей; а стоит глянуть на неё, как степенно желтеет, обращаясь в сухую соломинку.

Пора идти дальше.

Тонкая серебряная ниточка, какую не видит никто, кроме Зарни и, быть может, самой Авъи, ведёт дальше в лес, густой и жуткий.

Бурые, как соболиные шкуры, сосны тесно сжимают свой круг, а под ногой – водянисто булькают мхи, выдыхают дождь, и холодная вода, идущая из них, мочит ноги. Зарни аккуратно проверяет каждую кочку, каждый шаг перед собой – есть ли там земля, есть ли что-то, кроме затаившейся пасти болота. Сырая земля чавкает, покусывает за стопы, вынуждает всячески остановиться, но Зарни знает, что нельзя ни останавливаться, ни оглядываться.

Чем дальше, тем темнее становится, тем страшнее идти. Стерегушка режет шею, и шёпотки кругом становятся только громче: поначалу Зарни не поняла, что это речь, но теперь – испугалась, как только поняла, что они говорят.

А потом – видит их, неприкаянных.

- Помоги мне! Помоги же мне, ну! Я знаю, ты меня видишь!
- Ты же меня слышишь! Девочка, а, девочка, ну погляди ты на меня.
  - Посмотри на меня! Мне нужна помощь!
  - Пламя из земли! Пламя из земли!
  - Ишь какая гадкая девчонка!
- Упрямься-упрямься, каждый твой шаг тут звенит громче всякого колокола.
  - А сердце как колотится...
- Слышишь, слышишь? За тобой идём. Не сбежать тебе никуда.
  - Мерзавка!
  - Пламя из земли! Жжёт мои глаза! Я вижу его свет!

 Погляди, погляди... возьми меня за руку... я сожру твоё лицо...

Бездушные, серые тела слоняются кругом, утопают в липком болоте; безглазо осматриваются, безносо принюхиваются, задирая головы к седому, смурному небу, скрытому за соснами, безголосо хрипят, перетирая слова, точно травы в шершавой, треснутой ступке.

Зарни, опираясь на палку, перешагивает на безопасную кочку.

Под серой кривой рукой плещется стылая болотная вода, цепляющаяся за подол платья.

Нога предательски скользит – Зарни только и успевает ткнуться палкой в воду, в илистое дно, и то, утробно булькнув, проглатывает палку, а вместе с ней – и последнюю опору.

Если бы не взмах белого лебяжьего крыла, то сгинула б наверняка.

Зарни открывает глаза и понимает, что не умерла.

- Зачем резун на меня извела? вместо приветствия вопрошает статная девица о белых, точно лебединое оперение, волосах и стряхивает с тонких плеч перья. Те, мягко паря, опускаются на землю, чтобы тотчас же исчезнуть, как будто и не бывало.
- Помогать другим надо, отозвалась, откашлянув воду, Зарни. Меня так воспитали. Видишь если, что кто-то страдает и нуждается, пусть и попросить не может, так помочь надобно, иначе не человек ты. Мне так наставница говорила.

Девица скрещивает руки на груди и, склонив чуть голову, будто птица, глядит на Зарни.

– Не знаешь, кто перед тобой стоит, да? – и вздыхает.

Зарни только мотает головой. И снова кашляет.

- Пред тобой, смертная, важно начинает девица, стоит Юсь, дочь Царя Лесного. Не стану требовать склониться, ибо ты и так лежишь, Зарни позволяет себе слабый смешок, но грозный и царственный взгляд Юсь вынуждает её стыдливо замолкнуть, но впредь, прошу, знай моё имя и обращайся по нему. Расскажи мне лучше, зачем явилась к нам? Что смертной понадобилось в чуждом ей мире? Какая нужда привела? Иль праздное любпытство?
- Я ищу здесь смертную, по имени Авъя. Она ушла за пряжей к озеру и не вернулась.

Тишина.

Юсь приподнимает тонкие брови в изумлении:

- Разве ж наставница твоя не говорила тебе, что верить тут никому нельзя? А что делать станешь, если я вдруг обернусь врагом?
- Так если никому не верить, то как жить тогда? спокойно отзывается Зарни. Ежель обманешь, то на твоей совести будет не на моей.

Во взгляде Юсь проскальзывает уважение.

– Я помогу тебе. Видела твою смертную Авъю, она у Яги ходит прислужницей.

Зарни вздрагивает на этих словах, и Юсь спешно добавляет:

- Дурного ничего с ней не сталось наоборот даже, стала достойной помощницей.
  - Так не пойдёт же домой...

Юсь только пожимает плечами:

– А дом – где? Среди тех, кто отправляет тебя на смерть, как эта твоя Чикыш?

- Я не звала её имени.
- Да кто ж не знает твою Чикыш? усмехается совсем не царственно Юсь. Наслышана я о ней от отца, он часто с ней говаривает, а та и рада уши развесить.
  - Не говори так о ней! восклицает Зарни. Она же...
- Правит вами мудро? Не ошибается никогда? Защищает от Кудым Оша? А цена тому всего лишь редкая жертва, в какой ты жертву верную и не увидишь?
  - Да, да, кивает Зарни. Не такая уж она и плохая...
  - А твоя наставница что думает?
  - Может же у меня быть своё мнение.
- Может, соглашается легко Юсь, будто и не спорила только что. А может, и не так всё, как ты думаешь. Разве не надо сомневаться?

Зарни не находится с ответом и только рассматривает внимательно подол своего льняного платья, грубого, промокшего, но отчего-то совсем не холодного. Юсь – молчит тоже, не мешает чужой тишине, и терпеливо дожидается, пока Зарни не подаст сама голос:

- Ты проводишь меня к Авъе? Я бы хотела поговорить с ней. Обещалась всё-таки её матери, что обязательно приведу...
- Я помогу тебе, кивает Юсь царственно, внутренне тихо и молчаливо обрадовавшись, что, наконец, сумеет вернуть долг за спасение сполна.

Чушканзи умеет обращаться и зверем, и птицей; но Зарни так ещё не научена: может лишь обернуться рыбой, нырнув в бурный речной поток, но не более того. Юсь, услышав это, цокает языком, но не осуждает словами – только взглядом, едва заметно, и Зарни неловко мнётся под ним, неловко и виновато. Так и тянет извиниться, но она вовремя прикусывает язык.

Юсь оборачивается лебедью и позволяет Зарни сесть к себе на шею.

Взмах – и ветер ударяет в лицо.

* * :

– Дальше тебе придётся идти одной, – проговаривает негромко Юсь, отряхивая плечи от белых перьев. – Справишься?

Зарни только кивает, всматриваясь в старенькую, обманчиво хлипкую и тихую избушку. Ничто не нарушает покоя, ничто не тревожит воздух: Зарни прислушивается к миру вокруг себя, но он молчит недоверчиво, таится, сам разговор не начинает, а настаивать Зарни никак не решается. Не здешняя всё-таки, не этому миру принадлежит – кто знает, как взбрыкнёт? Покоряться-то не должен всякому дерзкому пришлецу.

- Благодарю, кланяется низко Зарни, и Юсь выпрямляется, как положено царской дочери. Благодарю тебя за помощь. Увидимся ли мы снова?
- Покажет время, отзывается степенно та. Ежели понадоблюсь, то позови.
  - Постараюсь не тревожить зазря.
  - Иди же.

Зарни, не оглядываясь, уходит, а Юсь глядит ей какое-то время в спину, после чего – оборачивается лебедью вновь и улетает в серые небеса.

Избушка стоит одиноко, но величаво, будто тунова жена или дщерь; немного сонно, немного лениво: её обитательнице некуда торопиться, а потому она может позволить себе вальяжность. Зарни всматривается в жилище, и на миг ей чудится, будто кто-то смотрит через чёрный провал окна, за каким никого и ничего не видать, как словно сама пустота поселилась там. Невольно ёжится, и плечи мелко дрожат, но она застав-

ляет себя сделать первый шаг – короткий и осторожный; даже дышать стало тяжелее. Будто мир кричит: «Уйди отсюда, чужачка, тебе тут не рады!», но Зарни уже дала обещание. Если бы не оно, так точно бы бросилась назад...

Когда входишь в чужой дом, изволь соблюдать тамошние правила; и когда являешься в чуждый мир, где царит гнилостный смрад мервячьего заложения, где сам нестерпимо пахнешь жизнью, солнцем и теплом, изволь сделать так, чтобы не чуяли тебя многие и многие мертвецы и духи. Не требуй радушия, но на радушие отвечай с благодарностью, но благодарностью не избыточно пылкой, ведь если переборщить, то никогда не выберешься под лунный свет и не коснёшься больше сырой земли.

– Матушка, матушка, – Зарни стучится в двери. – Отвори же мне, пусти к себе, дай в баньке попариться и дальше путь держать. Я тебе нянь капустный принесла, ленточку шёлковую и водицы каменной.

И дверь, будто сама по себе, открывается.

Не видно никого, не слышно никого, но Зарни оставляет подношения на столе, полном сочных яств, и не прикасается ни к чему, кроме краюшки хлеба, положенной на маленькую тарелочку, стоящую в самом углу пиршеств: не для неё накрыто, не ей и поглощать.

Старуха не показывается, но Зарни явственно ощущает её взгляд на себе – испытующий, цепкий, впивающийся, словно крючья – в рыбину.

За спиной скрипят доски, но Зарни не оборачивается.

– Чушканзина ученица явилась, я поглажу, – и голос её звенел, как когда камень о камень ударяется, высекая искру. – Отчего ж добродетели в тебе столько, девочка, как у Чушканзи такое-то выросло и не помёрло? Одна баба тебя молила

дочку еёную вернуть, наставница же запретилась, а Чикыш – и вовсе та ещё...

Старуха добавляет словцо покрепче, совсем не печатное.

- Раз уж матерь попросила чужая, так как не помочь?
- Старху хмыкает:
- И ты удумала, что девчонке лучше там, чем здесь? Станет она у меня ходить в ученицах, глядишь, силой овладеет, знанием тайным. Что ей средь вас делать?
  - Hо...
- Да жива она, прерывает старуха, отмахиваясь, и подходит к столу рассматривать подношения из мира живых. Но, быть может, сама спросишь, чего девочка желает? Средь людей ей не место, как и всем, кого в детстве банник утаскивал, когда матери не до деточки было своей. Разве было Авъе счастье жить среди вас?
  - Я не знаю, честно отзывается Зарни.

И то не было ложью.

- Ни любви маменькиной, ни друзей среди вас, поганцев малолетних, скрипит старуха дальше. Тихое дитя, беззащитное, странное, от дурной крови, как говорят у вас, таких не любят сорванцы навроде вас. Сама ль не была жестока? Сама ль не жалеешь девочку, как отправишь её обратно? Скажи мне, Чушканзина ученица. Оставь девчушку в покое. Быть может, когда-нибудь вы с ней да свидетесь.
  - Ho...
  - Перечить мне удумала?
  - Но Авъе не место среди духов и мёртвых.

Старуха пожимает плечами и небрежно поправляет накидку, и от неё густо пахнет сосной:

– От чего бы и нет? Она бывала тут младеницей, да столь надолго задержалась, что самой малости не хватило, чтобы навсегда тут остаться. Она здесь своя уж – не в пример ни тебе, ни учительнице твоей, ни мерзавке-Чикыш, так ей и передай. И мамке Авъи скажи, что следить лучше надо было за ребёночком своим.

Повисает тишина.

– Дары свои забери, ни к чему мне они, – просипела старуха, не став прикасаться ни к чему, что принесла Зарни, даже к озёрной воде, оставшейся в камне, – могущественной, редкой в этих местах. – Коль желаешь и оставишь меня в покое, могу одарить тебя тем, что вовсе умеешь помыслить.

Она может испросить силы, резун-травы, камений возвышенных, превращаться в зверя и птицу, едва лишь воля возникнет, но вместо всего произносит:

 Пусть Авъя отыщет своё счастье. О большем и просить не смею.

Старуха усмехается, жёстко и сухо:

- Ни могущества нелюдского, ни власти, ни разума, ни ворожбы, ни чьей страсти тебе не нать? Необычайно, необычайно... Держи тогда, и Зарни не успевает ни понять, ни увидеть, но на сморщенной ладони старухи лежит бездвижно золотой паук. Станется тебе помощником верным, от любой беды отвадит. Под имя твоё, золотце, и под странствие твоё средь мертвецов, пусть же станет тебе памятью о случившемся. Никому не показывай, иначе потеряешь.
  - Благодарю, матушка...

Но старухи уж и след простыл.

СПЕЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ «ЗА СОХРАНЕНИЕ ГОГОЛЕВСКИХ ТРАДИЦИЙ»

Жанна Бочманова

КРИКСА-ВАРАКСА

Ночную тишину, вязкую, кисельную, разорвал надсадный вопль. Даша встрепенулась и метнулась к кроватке. Артемка заходился в отчаянном плаче.

– Тише, тише, – уговаривала она сына, постукивала по мягкой спинке. Частая дробь детского сердечка, отдавалась в грудине, ускоряла ее собственный пульс. – Тише, тише, – шептала она в мягкое темечко, покрытое пушком волос.

Но бабка все равно проснулась, завозилась в комнате, покряхтывая. Загремела панцирная сетка на древней кровати. Скрипнула дверь. Даша виновато посмотрела на бабу Клаву в застиранной ночнушке.

- Да будет ли покой-то в этом доме?
- У него зубки, повинилась Даша. Артемка чуть было утихший, изогнулся в ее руках и снова зашелся криком.
- Дави его полуночница, проворчала бабка. Ну, сиську ему хоть дай.

Даша не ответила, молоко пропало у нее месяц назад. С тех пор и начались ее мучения. Дорогие смеси не по карману, от дешевых Артемку пучило, от натурального молока пошла эк-

зема. Даша измаялась, от недосыпа под глазами синели круги. Часто она засыпала в любом положении: стоя, сидя, на ходу. Бабка в няньки не рвалась, ей приезд правнучки был не в радость. Хотя Даша старалась изо всех сил помогать по дому. И на пенсию бабкину не покушалась. Деньги у нее были. Небольшие, но все же. Пособие, да бывший, хоть немного, но присылал. Сволочь, конечно, но и на том спасибо. Выгнать бабка ее не смела. По закону полдома принадлежали Дашиной матери, а стало быть, теперь и ей.

– Дави его полуночница, – услышала Даша и стиснула зубы, чтобы не ответить. Эта бабкина присказка до жути пугала ее.

Артемка притих, мусоля во рту пустышку. Даша подумала, что пора возвращаться. Только куда? К отцу, который начнет гундеть: «А я говорил...»

Даша уложила Артемку в кроватку, и нырнула под одеяло, стараясь скорее заснуть. Знала, что ненадолго. Вскоре опять раздастся хныканье. Ну, хоть полчасика, дай мне, сыночка, полчасика.

Она вздрогнула во сне, проснулась, прислушалась, в комнате стояла тишина. Непривычная. Мертвая. Даша приоткрыла глаза сквозь слипшиеся ресницы. Непроницаемая темнота спрятала комнату, погрузила все в черную дыру. Рука нашарила прутья кроватки, похлопала по матрасику, по маленькому тельцу под одеялом. На секунду показалось, что там что-то неживое. Она рывком села на кровати, стукнула по кнопке настольной лампы. Ее ослепило, но на мгновение она увидела темный сгусток, похожий на человеческую фигуру. Некто наклонился над Артемкиной кроваткой, Даша увидела острые локти, длинные руки, вцепившиеся в прутья. Она тихо охнула, лампа погасла, и Даша снова на мгновение ослепла.

Потом подбежала, больно ударилась пальцем ноги об ножку стула, нашарила Артемку, выхватила, прижала к себе. Жив! Жив! Она покачивалась на месте, постукивая его по спине, как уже привыкла. Но Артемка спал, дышал, правда, тяжело. Посапывал. Даша уложила его к себе на кровать и до утра не спала, лишь на мгновение проваливаясь в забытье и тут же чутко вскидываясь и прислушиваясь к тишине.

Утром Артемка был вял, плохо ел, тер глазенки руками и все норовил заснуть. Даша померила температуру, прощупала животик, посмотрела горлышко. Ночная картина не выходила у нее из головы.

- Бабуль, а ты ночью к Артемке не подходила?
- Δ а вот еще! Δ елать мне нечего. $\mathcal U$ так спокою от вас нет.
- Да что ты все ругаешься, не выдержала Даша. Что мы на твоей шее, что ль, сидим?
- A что нет? Приехали тут, нет, чтобы старухе дать в покое помереть, так вон чего притащила незнамо от кого в подоле.

Даша привычно сдержалась. Зря она сказала, что они с Сергеем не расписаны. Если прикинуть, сколько бабке лет... Много. Ей она прабабка, Артемке стало быть прапрабабка. Не каждая до праправнуков доживает. Ей бы радоваться, а она злобой брызжет. И каждый день заводит разговоры, что, мол, давай езжай в свой город.

- Если не ты, то кто тогда? Кто-то ночью в комнате был... Бабка скосила на нее глаза.
- Ах ты ж, Анна Ивановна, пробормотала она и ушла к себе ничего не ответив.

Ночью Даше не спалось. Артемка тоже покряхтывал, но пока без крика. Даша придвинула кроватку совсем близко, поглаживала сына рукой. Глаза закрывать боялась. Наконец, они привыкли к темноте, стали различать контуры мебели,

плафон под потолком. В старухиной комнате глухо бумкнули часы. Артемка под Дашиной рукой вздрогнул, тоненько заплакал. Даша покачала кроватку, Артемка умолк. Продолжая качать, Даша потихоньку погружалась в дрему. Внезапно острая боль ударила под левую грудь, заставила подскочить, открыть широко глаза. Даша не столько разглядела темное на темном, сколько уловила еле заметное колебание воздуха. Она вскочила, бросилась вперед с хищно растопыренными пальцами, но фигура над кроваткой бесследно исчезла. Даша стояла, шумно дыша, сердце колотилось от столкновения с чем-то жутким, нездешним. С чем-то чего не может быть, но что, тем не менее, было. Артемка спал, но неспокойно. Вздрагивал во сне, вскрикивал, и тут же умолкал. Даша включила свет, проверила все углы, подергала задвижки на окнах, сунулась к бабке. Та храпела, закутавшись в одеяло. Даша грубо толкнула ее за плечо.

- Чегой-то? бабка подскочила и уставилась невидящими со сна глазами.
  - Ходила сейчас ко мне, к Артемке?
  - Чегой-то?
- Ничегой. Зачем ребенка пугаешь? Зачем по ночам бродишь?
- Ох, матушка, Анна Ивановна, пробормотала бабка и тяжело встала с постели.

Не обращая внимания на Дашины вопли, она прошла в комнату, откинула одеяльце, ловко выхватила Артемку из кроватки.

- Что ты? Даша протянула руки, но бабка лишь злобно пшикнула.
  - Гляди, бабка протянула ей ребенка, на темечко гляди.

Даша ахнула. На темечке, на мелко дрожащем родничке, алело пятнышко с горошинку.

- Что это? Он ударился? Что же делать?
- Анна Ивановна его ест, с каким-то удовольствием сказала бабка.
  - Да кто такая это твоя Анна Ивановна?
- Да кто... полуночница. Ну, раз присосалась, теперь не отстанет.
  - Да ты сдурела?
  - Это ты, девка, сдурела. Говорила тебе, езжай отседова.
  - Да не бывает такого, со слезой прошептала Даша.
- Ну раз не бывает, так и спи себе дальше. Вон же спит мален. И ты спи.

Артемка и правда спал. Даже в такой неудобной позе. Бабка держала его на сгибе руки, не особо заботясь, чтобы не уронить. Даша торопливо забрала сына.

Весь день она ходила сама не своя. Артемка, вялый, сонный, почти не ел, не угукал, и даже не плакал, лишь вскрикивал иногда раненным мышонком. Сердце Даши замирало в смертном испуге.

Бабка копалась на огороде, ковыряя сырую землю, Даша подошла, присела рядом. Артритные руки драли из земли сорняковые стебли, бросали в корзину. Даша тоже потянулась к грядке.

- Не смей, глухо прикрикнула бабка, всю моркву мне сейчас повыдернешь.
- Баб Клава, Даша сглотнула сухим горлом. Ба, помоги.
   Внук же твой.
- Ты мне внучка, а этот... бабка сплюнула в гряду. Дави его полуночница.

Перед глазами Даши все поплыло, она покачнулась, не удержалась на корточках, повалилась назад. В ушах звенело: «Дави, дави, дави...»

Взревев раненой волчицей, она подскочила, бросилась к бабке, стиснула руки на сморщенной шее.

– Ты, – шипела она, – ты... Ты эту тварь приманила, ты!

Бабка хрипела, выпучивая глаза, а Даша все давила и давила, пока бабка не осела на землю. Потом Даша сидела на земле рядом с телом смотрела на скрюченные пальцы и не понимала, как теперь разогнуть их, и удастся ли это вообще. О бабке она не думала, нет. Не было страха, не было сожаления, лишь необъяснимое чувство свободы. Она поднялась и вдохнула полой грудью. Из дома раздалось хныканье, Артемка проснулся и требовал есть. Чуть качаясь, Даша пошла в дом. Вымыла руки под рукомойником. Поставила греться воду на газовую плиту, вытащила бутылочку с молоком.

Калитка во дворе стукнула.

- Эй, Клавдия! Дома?
- «Соседка пришла», равнодушно подумала Даша и сунула бутылку с молоком Артемке.
- Ой! Беда! закричала соседка. Эй, девка, ты-то хоть где? Беда тута.

Даша вышла на крыльцо.

Соседка металась по двору, осеняя себя крестом.

- Да что случилось? спросила Даша, сама удивляясь своему спокойствию.
- Да что! соседка всплеснула руками. Кажись, померла Клавка-то! Вона лежит на задах, меж грядок. Я ее уж и трясла. Да нет, куда там.
- Так скорую ж надо! сказала Даша и пошла за телефоном.

Как ни странно, старуха не померла. Фельдшер вместе с Дашей и суетливой соседкой перетащили ее в дом. Бабка глухо стонала, не открывая глаз. Фельдшер постоял над ней, посмотрел, покосился на Дашу, на соседку, нехотя достал тонометр.

– Послушайте, – фельдшер писал что-то в своих бумагах. – Это не инсульт, явно. Нет, конечно. Давление низкое у бабушки, да погода вон какая. Не вижу смысла в госпитализации. Да и больницы переполнены, будет там лежать без толку.

Он тараторил, убеждая не сколько их, сколько себя. Даша лишь кивала, понимая одно: возиться со старухой придется ей. Фельдшер собрал вещи: тонометр, блокнот, встал.

– Есть пока не давайте, а вот поить нужно регулярно. Завтра зайду. Или послезавтра. Как получится.

Дом опустел. Уехала скорая, ушла соседка. Даша устало сидела у стола, зажав руки между коленей. Слушала тишину. Впервые за столько дней в доме не раздавалось ни звука. Даже мыши затаились. В детстве Даша любила прятаться в шкафу и зарываться в мамину шубу. Там тоже было вот так же тихо. Она сидела, пока в голове не начинали раздаваться звуки, а каждая ворсинка на шубе, каждая пылинка ощущались ею по отдельности. Пространство раздвигалось, становилось огромным, и Даше казалось, что она парит в воздухе, в невесомости.

Вот и сейчас тишина перестала быть бесплотной, воздух сгустился. Даша смотрела на стрелки настенных часов, старых, как сама прабабка. Они не двигались. Встали? Говорят, часы встают, если кто в доме умирает. Надо было проверить бабку, но не было сил двинуться с места. В голове мелькало старухино лицо, хрипы, она видела и свои выпученные от ярости глаза, искривленный рот. Видела и не понимала, как она может

сама себя видеть? Вспомнила про Артемку. Но как-то вяло. Не плачет и ладно. Дай мне полчасика, сыночка. И снова увидела часы. Стрелки замерли – встали все же. Она силилась сбросить морок, но не могла пошевелить и пальцем. Медленно, медленно, ей удалось разжать колени, вытащить руки, и, цепляясь за стол, поднять непослушное тело.

Баба Клава лежала на этой своей древней кровати с панцирной скрипучей сеткой, шариками на концах спинки, облупившейся синей краской. Седая голова съехала с подушки. Даша потянулась поправить. Веки старухи дрогнули, открылись. На Дашу уставились два блеклых глаза. В них стоял ужас.

– Там, – прошелестели губы. – Там... возьми. Не губи только.

Даша хотела успокоить старуху, она же не собиралась ничего делать... но старуха вдруг забормотала быстро, тихо, слов толком не разобрать:

- Крикса-варакса, крикса-варакса, крикса-варакса...
- Ба! Даша тронула бабку за плечо. Ты что бормочешьто? Что?
- Там, старухин палец указал в угол. Там. Криксаваракса...

Даша повернулась, и резкая боль ударила в висок.

Она очнулась на кухне. Только теперь она не сидела, а лежала на полу. Мимо пробирался паучок, перебирал тонкими ногами, спешил. Даша выдохнула, паучка смело в сторону. Плачь Артемки привел ее в чувство. Она с трудом встала, сначала на четвереньки, помотала головой, потом подняла голову. Часы. Идут. Прошло полчаса с ухода соседки. Цепляясь руками за столешницу, Даша села на стул. Наверное, она просто уснула, вот и свалилась на пол. Висок ныл. Пальцы нащу-

пали содранную кожу. Крепко приложилась. Артемка заходился в крике. Но Даше вдруг стало все равно. И орет, и орет, дави его полуночница.

Все же она встала, чувствуя себя, как после хорошей попойки. Ребенок лежал в кроватке, сучил ножками, выгибал спинку, и уже не плакал – хрипел.

Даша нагнулась, сдернула ползунки, расстегнула набухший памперс, сморщилась от запаха. Обделался. Как же она устала! За водой идти на колонку, посуду мыть – целая история с тазиками, что уж про туалет говорить: чуланчик в холодной пристройке – дырка в деревянной сидушке. У соседей у многих скважины пробурены и нормальные ванны сделаны, а у бабки все еще рукомойник наливной за шторкой висит. Она изливала свои претензии к дому и бабке, к бывшему, а руки делали привычное: обмыли грязную попку, натянули сухой подгузник, подогрели молочную смесь. Накормленный Артемка лежал в кроватке и смотрел на привязанные к веревке игрушки. Даша тихо отступила. Молчит и ладно. Теперь проверить старуху.

Баба Клава лежала тихо, глаза закрыты. Дышит ли? Даша прислушалась. Дотронуться побоялась. Вспомнила, как тыкала бабка рукой в угол и мычала: «Возьми». Приснилось, привиделось?

Но сундук в углу, и правда, стоял. Даша помедлила. Потом подошла и опустилась на колени. В сундуке обернутое в вышитое полотенце лежало бабкино «смертное»: бельишко, ситцевое платьишко в цветочек, головной платок. Тут же тертый кошель с деньгами. Тысяч двадцать. На поминки, что ли? Пакетик с фотографиями, тусклые черно-белые изображения, потемневшая сепия. Ни времени, ни желания, смотреть. Даша шарила в сундуке. Что бабка велела взять? Деньги? Вряд ли.

Что-то еще лежало в углу. Показалось сперва, что ветошь какая-то. Нет. Примитивная куколка из тряпья. Головка, ручки, ножки. Личика нет. Не нарисовали.

- Крикса-варакса...

Даша резко обернулась. Бабка все так же лежала, уставив заостренный нос в потолок. Только сквозь приоткрытые губы шелестело одно и то же.

- Крикса-варакса, крикса-варакса...

Даша быстро подбежала. Глаза-то закрыты. Бредит?

- Ба! Ты меня слышишь?
- Крикса-варакса, крикса-варакса...

К вечеру пришла соседка. Проведать. Посмотрела бабку, сунула руку под одеяло, откинула.

– Давай-ка белье сменим, видишь, мокро.

Даша закатила глаза. Мало ей Артемки! Они вытянули изпод старухи мокрое, постелили сухое, подложили клеенку. Соседка с ложечки вливала в беззубый рот воду. Вода вытекала из уголка губ, мочила подушку.

– В себя-то не приходила?

Даша покачала головой. Потом вспомнила:

– Бредила. Все какую-то криксу поминает.

Соседка приподняла бровь, пожала плечами.

– Трудно тебе, придется, милая, ох, трудно. Λ адно, пойду. Курей еще кормить. Завтра забегу.

Проходя через кухню, увидела на столе тряпочную куклу. Остановилась.

- О, так вот же она. Крикса-то! И как я забыла. Криксаваракса. В колыбель клали. Чтоб Анна Ивановна не мучила.
- Кто? в сердце у Даши разбилось ледяное крошево, обжигая до крови, до беззвучного крика.

– Да, полуночница, тьфу, тьфу... Да не бери в голову. Ерунда. Ну, детишек по ночам тревожит. Аль крадет. Уж и не помню. Ересь, короче. – Соседка нашла глазами красный угол, где темнела икона, обмахнула себя щепотью. – Прости меня, грешную.

Как же было непривычно в доме без бабкиного ворчания, шамканья. Даже запахи ее пропали. Бабка была чистюлей, но Даше все равно пахло. Лежалым бельем, волосами, сплетенными в тощие косицы и убранными под платок, старой резиной калош. Сейчас же в воздухе плавали только ароматы детской присыпки, подгорелого молока, лампадного масла.

За окном чернело, и казалось, что оттуда смотрят чьи-то недобрые глаза. Даша задернула хлипкие занавески, сходила проверить засов на двери. От чуланчика с туалетом еще одна дверь вела в сарайку, где когда-то держали кур, а сейчас устроили дровяник. Набрать дров, протопить печку. Бабка всегда топила жарко, даже сейчас, на исходе мая. Даше было душно, она открывала окна, бабка ругалась, что комарья напустила. Ну, вот, никто не ругает.

Печь топиться не желала. Чадила. Дым ел глаза. Артемка хныкал. За день выспался, зло думала Даша, сейчас начнет концерты закатывать. Наконец, огонь лизнул щепу, подумал немного и принялся есть, чавкая и хрустя. Даша выпрямилась, спину ломило. Но в доме сразу повеяло теплом, и даже дым радовал, отпугивал Дашины страхи. Чайник засвистел, подбрасывая крышку. Залить кипятком пару ложек черных скрученных листочков, чуть настоять.

Даша пила чай, прикрыв глаза. Вот так бы сидеть и сидеть. Не думать, что за одной стенкой помирает старуха, а за другой вот-вот заплачет ребенок. «Как вы мне все надоели!

Оба», – выдохнула она и тут же прикрыла рот ладонью. Нет, нельзя так. Нельзя.

В комнату бабки заходить не стала. Просто на пороге постояла, послушала. Вроде дышит. Из темноты доносилось негромкое сипение. Нет сил проверять, спит или богу душу отдает. Завтра. Все завтра.

Артемка дрыгался в кроватке, пытался схватить погремушку на веревочке. Как Даша и знала: всем спать, ее сыночке играть. В отца не иначе. Тот тоже по ночам в игрушки рубился.

Даша поднесла палец к выключателю и застыла. Где-то там, в темноте, поджидала Анна Ивановна. Даша и забыла про свои страхи. Ей даже казалось, что все привиделось, все приснилось. И попытка задушить бабку тоже казалась ненастоящей. Этого точно не было. Не было же! Просто ей плохо стало. Как там фельдшер сказал? Давление, погода и все такое. А все эти криксы ересь. Ересь и мракобесие.

– Ты чего не спишь? – Даша склонилась над кроваткой. Артемка беззубо улыбнулся. На верхней десне уже набух, готовый прорваться, первый зубик. – Спать. Надо спать.

Но Артемка спать не собирался, махал ручками, гулил, пытался повернуться. Даша знала все это. Сначала будет кряхтеть, потом хныкать, потом орать. «Пеленать надо, – ворчала бабка. – Пеленать, дурища надо, говорю. Вон руками машет, сам себя будит. Нет с вас спокою».

Пеленать Даша не хотела. Да и не умела. Никто сейчас не пеленает детей неподвижными кулечками. Артемка раскрыл рот, и Даша застонала, зажала уши руками. Выбежала на кухню, заметалась между столом и плитой. Крик становился настойчивей. Артемка делал паузу, хрипел, подавившись слюной, и снова кричал. Даша крепко сжала кулаки, подышала, как учили на йоге, и вернулась к сыну. Взяла на руки, приня-

лась гладить, похлопывать по спине. Обычно это помогало, но сегодня в Артемку словно бес вселился. Он выгибался в руках, бился головой о материнское плечо. Пустышку, торопливо всунутую в рот, выплюнул, чем привел Дашу в ярость. Теперь ее надо мыть, обдать кипятком... А для этого надо поставить чайник на плиту. Как это сделать с истерящим на руках младенцем?

Даша стояла, держа в одной руке пустышку, другой прижимая ребенка. Вздохнула, положила Артемку на свою кровать, схватила тоненькое байковое одеяльце, разложила. Поместила ребенка на одеяло. Раз – левый угол накрыл Артемку, прижав ручку к туловищу, два – правый угол прижал вторую ручку, нижний угол накрыл ноги. Нет, не так надо было. Даша быстро переделала. Артемка, вытянутым во фрунт солдатиком, крутил головой, разевал беззубый рот, кряхтел. Даша подхватила кулек и принялась ходить с ним по комнате:

– А-а-а-а, а-а-а-а, – мычала она сквозь сомкнутые губы.

Глаза Артемки затуманились, веки опустились. Даша ходила и ходила, ходила и ходила. От двери к окну и обратно, пока Артемка не уснул. Словно не веря, Даша посмотрела на личико. Нос кнопкой, глазки голубенькие, пушок на голове. Глаза, говорят, могут поменяться. У отца же его карие. Ничего, сыночка, прорвемся. Она осторожно положила сверток в кроватку.

Чайник закипел, Даша ошпарила соску, приготовила смесь на ночь. Останется только разогреть. Дома в городе остался специальный подогреватель бутылочек. Да много чего там осталось. Главное, там остались надежды на нормальную жизнь. Не будет ее. Нормальной. Будет вот эта беспросветная нищета. Покосившийся дом, дощатый, щелястый пол, умывальник, газовые баллоны, тарахтящий по ночам древний хо-

лодильник. Вспомнились бабкины упреки: «Много вы там обо мне вспоминали, помогали? А как приперло, так, пожалте, приперлись».

И точно в ответ на Дашины мысли из бабкиной комнаты послышался шум. Старуха снова бредила:

- Крикса-варакса, крикса-варакса...

Дверь в спальню старухи Даша крепко прикрыла, и все равно ей казалось, что она слышит сиплый голос. Куколка так и лежала на столе. Даша взяла ее в руки, повертела. Бред какой-то! Но ведь она видела кого-то или что-то ночью у детской кроватки. А может, ей показалось. От недосыпа. А пятно на темечке – просто ударился. Артемка активно пытался садиться, поворачиваться, вот и поранился о прутья кроватки.

Рассохшаяся от времени кроватка отыскалась на чердаке. Когда-то в ней спала Дашина мать, а до нее, наверное, ее мама, то есть бабушка. Мамину маму Даша не видела, та умерла рано, еще до ее рождения. И вообще, там была какая-то странная история. Мама не любила вспоминать, и про дом своего детства тоже. Лишь потом, разбирая бумаги, Даша нашла документы и оформила наследство. Они даже с Серегой съездили посмотреть, с бабушкой-прабабушкой повидаться, вернее, познакомиться. Баба Клава на их приезд отреагировала хмуро, на Дашу смотрела пристально, потом сказала, как выплюнула:

– Вылитая Люська, тьфу ты, господи!

На этом визит и завершился. Сергей все подзуживал дом продать. «Ну, половина ж твоя, вполне можешь. Пусть немного такая хибара стоит, но деньги не лишние». Хорошо, что Даша не поддалась на уговоры, все было бы спущено на игры эти дурацкие, а так хоть есть, где голову приклонить.

Даша очнулась. Она так и задремала, сидя на кровати. Лампочка под пластиковым абажуром освещала центр комнаты, отчего тени по углам становились резче, объемнее. Артемка спал, слегка приоткрыв рот, выдувая пузыри. Дана осторожно вытерла ему слюни. Надо было ложиться, но она медлила. Боялась. Легла так, не выключая свет и не раздеваясь. Почему-то не спалось. Мешала все же эта лампочка под потолком. Надо бы ее выключить, оставить настольную, но сил встать не было. Руки лежали безвольными плетями. А ноги... ноги онемели, как не свои. Ей даже хотелось посмотреть есть ли они у нее, вообще, но и глаза отказывались повиноваться, даже моргнуть не могли.

Она так и не поняла, откуда в комнате появилась женщина или что-то похожее на женщину. Вот только что не было, и вот уже стоит. Сперва Даша приняла ее за бабку, такая же тощая, в каком-то балахоне с капюшоном. Даша закричала, но молча, про себя, голос ее тоже не слушался. У существа были тонкие суставчатые пальцы с длинными загнутыми когтями. Эти руки тянулись к кроватке, к Артемке, к его лицу, острый коготь прошелся по тонкой кожице пульсирующего родничка. Артемка хныкнул, завертел головой, Даша заскрипела зубами, пытаясь вернуть контроль над телом. Выдохнула, шевельнула губами.

– Крикса... – выдавила она, – варакса...

Существо замерло, будто прислушивалось.

– Крикса-варакса, – забормотала Даша, чувствуя, как к ней медленно возвращается подвижность. – Крикса-варакса, крикса-варакса.

Ей удалась сесть. Существо подняло голову. То, что Даша принимала за капюшон, оказалось копной черных спутанных волос, за которыми прятались глаза. Но не это потрясло Да-

шу. У существа, у этой твари, раскрылся на лице какой-то неимоверной щелью рот, полной острых акульих зубов.

Даша непроизвольно прикрылась локтем и поняла, что до сих пор сжимает в руках тряпичную куколку.

– На! – выкрикнула она, протягивая куколку твари. – Крикса-варакса! Анна Ивановна!

Тварь замерла, расставив руки в стороны. Даша встала на негнущихся ногах сделала два шажочка, держа перед собой куколку. Тварь качнулась и чуть отступила от кроватки. Рука ее с какими-то дополнительными суставами, странным образом удлинилась, острый коготь прошелся по Дашиными волосам, зацепив волосинку. Даша вздрогнула, из глаза выкатилась слеза. Коготь скользнул по щеке, и Даше показалось, что кожа в этом месте слезла, скрутилась рулончиком, обнажая мышцы и кости. На том месте, где под челюстью бьется жилка, коготь застыл, Даша почувствовала легкий почти комариный прокол.

– Крикса-варакса, крикса-вараска, – шептала она, не переставая, и все пихала и пихала куколку твари под нос или что там у нее было вместо носа.

Лампочка под потолком тренькнула и взорвалась.

Дашу разбудила муха. Ползала по лицу, щекотала лапками нос. Даша хлопнула себя по лицу и открыла глаза. Потянулась. Как же хорошо! Наконец-то она выспалась. Артемка лежал тихонько. Не проснулся еще. Даша выскользнула на кухню, кутаясь в пуховый платок. Прохладно. Скорее бы уже настала летняя жара. Вот уж они с Артемкой нагуляются по полям, на речке будут дни проводить. Она присела перед печкой. Приладилась ножиком к полешку, отщипнула лучинку, еще одну. Ладони горели. Но это боль приятная. Сейчас ста-

нет тепло. Она покормит Артемку и потом сядет, и крепко подумает, что ей делать дальше.

В дверь стукнули, а потом и зашли, не дожидаясь ответа.

– Встала уже? – Соседка поставила на стол литровую банку молока. – Вот держи. Козье тебе принесла. Может, козье ему подойдет. Клава-то как? Не померла еще?

Лет ей было примерно шестьдесят, по сравнению с бабкой, совсем молодая. Волосы рыжие от хны. Сама бойкая, вечно сующая нос во все дела. Не дожидаясь приглашения, соседка прошла в бабкину комнату.

 Давай-ка переоденем ее, – скомандовала она. – И белье поменяем.

Даша закатила глаза, но послушно выдвинула ящик комода. Соседка тем временем приподняла старуху и стащила с нее рубаху.

– Нашла там чего? Посмотри, там у Клавки-то всякого навалом должно быть...

Голос соседки резко оборвался. Даша повернулась и не сразу поняла, а потом сглотнула пересохшим горлом: на пигментной шее бабки, на ключицах синели пятна, уже кое-где налитые чернильной темнотой. Даша снова вспомнила свое перекошенное лицо и пальцы, сжимающие морщинистую кожу.

Соседка вдруг вскочила, засуетилась.

– Hy, дальше ты тут сама. А то я забыла, мне ж в правление надо...

В голове у Даши крутилось только одно: соседка все поняла, догадалась. А та уже спешила прочь: выскочила из комнаты, пробежала кухню. Даша метнулась следом, ей хотелось остановить ее, объяснить, что ведь все не так... но споткнулась босой ногой о полено у печки. Ойкнула, присела, потирая

ушибленный палец. Рука ее прошлась по гладкой коре. Осинка.

Соседка упала, не добежав до калитки пары шагов. Это оказалось легко. Даша нагнала ее, коротко замахнулась и опустила полено на голову. Соседка даже не вскрикнула, словно понимая, что произошло.

Даша присела рядом на корточки, смотрела, как ветерок шевелит крашенные хной волосы. Ей же еще Артемку кормить. Она встала, взяла соседку за руки и потащила по траве, на зады, там, где ровными грядками рос бабкин урожай. Дотащила тело до сарайки с инструментом и бросила. Потом закопает, вечером.

Она развела смесь, налила в бутылочку, проверила температуру, капнув на кожу руки. Артемка спал. Такой маленький в этом сверточке. Даша улыбнулась и поднесла бутылочке к его губам. Артемку почмокал и втянул в себя резиновый наконечник. В душе у Даши разлилась нежность. Как она могла вчера думать, что Артемка ей надоел? Это же счастье ее, кровиночка.

На улице раздался шум мотора. Даша удивленно приподняла бровь. Кого еще принесло? Сунула ноги в бабкины калоши с войлочной нутряной обивкой и прилипшей соломой, вышла на крыльцо.

– Даш! – крикнул ей высокий спортивный мужчина возле автомобиля. – Ну, ты совсем, что ли? Я тебе обзвонился. Что у тебя с телефоном?

Даша стояла на крыльце, прижимая к себе ребенка и молчала. В голове ходила по кругу одна мысль: «Сергей приехал, приехал, приехал...»

- Ты как здесь? - спросила она с трудом.

– Как, как... Переживал. Ты не отвечаешь на звонки. Я все бросил и рванул.

Даше кивнула. Еще месяц назад, она бы дорого дала, чтобы услышать от него, что он переживал и все бросил, ради нее, Даши...

– Как Артемыч? – Сергей потянулся к свертку.

Даша прижала сына к груди и чуть отступила.

- Спит. Не буди.

Тут у Сергея сделалось такое лицо, что Даша вздрогнула и обернулась. Вдоль стенки дома, перебирая руками, ползла соседка. Бескровное лицо ее кривилось от боли.

- Ты, соседка ткнула в Дашу пальцем. Ты... Клавку убила. Ты!
  - Что тут у вас? Сергей чуть отступил. Кто кого убил?
- Никто, затрясла Даша головой. Никого. Все в порядке.

Соседка обхватила голову руками и села на землю.

- Скорую вызовите, чего стоите? простонала она. И полицию. Это она, она Клавку...
  - Тихо! прикрикнула Даша. Разбудите!

Сергей посмотрел на соседку, на Дашу, на сверток в ее руках.

– Дай-ка, – он протянул руки. – Давай-давай...

Даша прижала Артемку к себе и отступила, но Сергей схватил сверток и вырвал из ее рук. Рот у Даши открывался и закрывался от нехватки воздуха. Сергей приподнял уголок одеяла и несколько секунд смотрел. Лицо у него сделалось странным, как у ребенка, получившего набор карандашей вместо обещанной игровой приставки.

– Это что? Ты тут совсем съехала? – Он развернул одеяло, и в его руке оказалось полено. – Даш, где ребенок? Артем где?

Даша вскрикнула, выхватила у него полено, прижала к себе, баюкая и напевая. Лицо у Сергея странно дернулось. Он схватил Дашу за плечи и сильно встряхнул.

Полено выпало, Даша охнула и потянулась за ним.

– Нет! Где ребенок? Куда сына дела?

Даша все рвалась к упавшему полену. Сергей хлестко ударил ее по щеке. Она отшатнулась, но вдруг застыла. Огляделась, будто после долгого сна.

– Сергей? Как ты тут оказался? Артемка! Где?

Она завертелась на месте. Увидела одеяльце, подобрала, уткнулась лицом.

– Это ты мне скажи, где он! – Сергей потряс у нее перед носом поленом. – Почему у тебя вот это завернуто? Где мой сын?

Даша зажмурилась. Что-то она помнила, помнила и забыла. Пальцы прошлись от виска по щеке вниз. Под челюстью, там, где бьется пульс, кольнуло. Даша посмотрела на пальцы – кровь. Ночью ее укусил комар? И тут она вспомнила и закричала. Крик, не вырвавшийся ночью, сейчас раздирал ей глотку.

– А-а-а-а! – вопила Даша. – А-а-а-а! Крикса-варакса!

Она метнулась в дом, но через минуту выбежала оттуда с куколкой в руках. Остановилась на крыльце и замерла.

Сергей судорожно набирал номер скорой.

Слышишь? – Даша склонила голову на бок. – Кричит.
 Артемка...

Прежде чем Сергей сумел сообразить, Даша уже неслась по дороге, взбивая ногами пыль. Он растерялся, переводя взгляд с удаляющейся Даши на соседку.

– Беги следом, – простонала соседка. – Может, ребенка найдешь. Уволокла ж куда-то, малахольная.

Даша бежала по дороге, потом свернула к лесу. Резиновые калоши давно слетели, босые ноги скользили по траве, камни впивались в пятки, но боли она не чувствовала. В ее ушах стоял плач, и она бежала, не разбирая дороги, туда, куда звал ее этот крик. Через лес, по кромке болотца, по мху и осоке, режущей ступни. Возле небольшой преграды она остановилась. Две осинки, а между ними какие-то заросли. Не шиповник и не малинник. Колючие ветки переплелись так туго, что и просвета меж ними почти не было. Даша оглядывалась. Она больше не слышала голоса сына.

- Артемка! Сыночек! Отзовись!

Что-то почудилось ей или послышалось. Даша уставилась на заросли. Вглядывалась, пристально-пристально. И увидела: плотный клубок издали напоминал человеческую фигуру, с опущенной головой, повисшими вдоль тела руками.

– Крикса-варакса! – крикнула Даша, подходя совсем близко. – Крикса-варакса!

Ветки кустарника зашевелились, потянулись к ней. Даша потрясла в воздухе куклой.

– Нет, вот тебе крикса, верни Артемку!

Теперь ей уже казалось, что в самой глубине, в клубке ветвей и листьев, есть что-то живое, что-то похожее на ребенка. Ей даже почудился то ли плач, то ли писк. Даша раздвинула ветки и тут же получила удар по руке. На коже заалела ссадина. Даша увернулась от ветки, летящей прямо в лицо, и втиснулась в заросли.

Она лезла и шипела от боли. Ветки хлестали ее, норовили ткнуть в глаз, из левой рассеченной брови по лицу бежала кровь. Но Даша ползла, чувствуя, как вонзаются в ее кожу острые шипы и с присвистом втягивают в себя ее кровь.

Артемка лежал совсем голенький в коконе из шипастых прутиков. Даша сунула руку, но тут же отдернула. Посмотрела на острый шип, воткнувшийся в палец, выдернула его. Сильно надавливая на ранку, накапала кровью на кукольное тельце.

– Возьми, возьми. – Она трясла куколкой над коконом. – Крикса-варакса, крикса-варакса, своего забирай, моего отдавай.

Шипастые ветки дрогнули, потянулись за куколкой. В образовавшийся просвет Даша сунула руки, выдернула ребенка, запихала под одежду, за пазуху, полезла обратно, постанывая от пронзающих руки и ноги уколов. Одна ветка выстрелила в лицо, ударила прямо под веко. В глазу полыхнуло красным, горячее и вязкое потекло по щеке. Даша продиралась обратно, к свету, который еще могла различать, и придерживая Артемку, чтобы не вывалился.

– Крикса-варакса, крикса-варакса... – шептала она, ничего уже не чувствуя.

Она вылезла из зарослей, сделала шаг, но правую ногу дернуло назад. Даша упала, успев перевернуться на спину, чтобы не придавить сына. Гибкая ветвь лианой обвилась вокруг лодыжки. Дашу дернуло, поволокло обратно к зарослям. Ветка глубоко впилась в кожу, обнажив мясо. Даша вытащила Артемку, прижала к себе, вдохнула младенческий запах, а потом отшвырнула как можно дальше.

Сергей нашел сына часа через два поисков. По плачу. Артемка лежал в траве, уже синий от холода, но живой. Пара царапин не в счет.

– Молодец, парень, – Сергей укутал его в рубашку. – Молодец, что кричал. Так и надо. Не сдавайся никогда.

Он огляделся в поисках Даши. Между двух осинок густо росли какие-то кусты, и что-то белело среди веток. Сергей подошел и увидел окровавленную тряпку. На куклу похоже, что ли? Вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что там, в глубине. На мгновение ему померещился силуэт лежащей женщины. Да нет, это ветки так сплелись. Артемка хныкнул, Сергей спохватился и быстро-быстро пошел прочь.

Дашу так и не нашли. Соседка взахлеб рассказывала по деревне:

– Вот недаром про семейку эту говорили, что она того... Клавка по молодости-то уверяла, что, мол, дочку-то ее полуночница подменила, чурочку оставила вместо младенчика. А она знала, да куда деваться, так вот подменыша и ростила. Ну, сумасшедшая же, сразу ясно. Видно, по наследству-то внучке и передалось. Эх, Дашка-Дашка, дура девка! Меня чуть не ухайдокала, ребенка в лес уволокла! А ведь такой справной девкой казалась. А вот, поди ж, ты. В болоте утопла, не иначе.

Баба Клава потихоньку оклемалась, снова возилась в огороде, а вечерами сидела у окна, смотрела в темноту и бормотала:

– Крикса-варакса, крикса-варакса, вот тебе забавка, с нею играй, а младенца не май. Крикса-варакса...

Алексей Панин

ПОРТУПЕЙ-ПРАПОРЩИК И ЧУЖАЯ ДОЧЬ

(сказка)

- Давным-давно, далеко-далеко то было... Как поперёк Дикого поля, что богатырскими костями засеяно да русской кровью полито, течёт река Смородина, дымом полнена, как через ту реку дымну-огненну перекинут дугой Калинов мост, как на тот да на крутой мост выезжал Змей о девяти головах. Вот как выехал тот Змей на серед моста, подбоченясь озираючись, злою силой похваляючись, так тут чёрный конь его спотыкнулся, чёрный ворон на плече его встрепенулся, а чёрный пёс позади ощетинился...
- Точно, синь-порох! Было дело на Кагуле как перешли мы те Змиевы валы, так попёрла на нас сила чёрная, басурманская, янычарами прозываемая. Ох, и солоно пришлось нам тогда братцы!..
- Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешь, ты, пёсья шерсть, щетинишься? Нет для меня на всём свете противника!
- А генерал-фельдмаршал граф Пётр Лександрыч Румянцев как гаркнет: «Стой, ребята!»
- A ворон ему с правого плеча: Есть на свете тебе противник русский богатырь, Иван крестьянский сын...

В курной избе постоялого двора, в стольном городе Исетской провинции, удалой портупей-прапорщик Иван Краснов сын Петров трёт рукавом мундира серебряный кругляш — медаль с курносым профилем Катерины Второй, императрицы и самодержицы, и надписью: «Кагул, июля 21 дня 1770 года»

– и продолжает рассказывать, как в поход ходил, турку бил, и как ему ту медаль генерал-фельдмаршал Пётр Лександрыч самолично на грудь вешал.

Широкая грудь у портупей-прапорщика, обтягивает её мундир зелёный-казённый, бьется под мундирным сукном сердце собственное, ретивое, и всем он хорош: и лицом белым и телом дородным – одна беда: рода не знатного. От того и в чинах небольших и протекции не имеет. И выпала ему теперь злая судьба службу нести там, куда и ворон костей не заносил – за Диким за полем, на дальних украинах, на пограничной Оренбургской линии... Эх, синь-порох!

Не успел портупей-прапорщик пригорюниться толком, как его кто-то окликает:

- А что, служивый, ты верно ничего не боишься? И сабля у тебя вострая и усы как у лисы, а уж медаль девкам на загляденье...
- Hy! молвил портупей-прапорщик, озираясь по сторонам точно! старичок-сказочник побасенку свою закончил, ложку отложил и теперь глядит на него, глазами лупает. Кто на войне побывал да живым вернулся тому на этом свете бояться нечего: ни Божьей грозы, ни девичьей красы, ни злой напасти, ни другой какой страсти...

Сказал и усы – вовсе не как у лисы – подкрутил.

– Ну, коли так, тогда слушай: есть тут неподалёку старая баня, при башкирцах ставлена, на русский лад правлена. Коли и впрямь ты такой храбрый ступай ты в ту баню в полночный час да утром принеси кирпичик, от печки-каменки. А я тебя за то пельменями угощу, чарку водки налью.

– А и пойду...

За городской околицей, за последней слободой, течёт речка имени не знаемого, берега песочные холодной водой точит.

А на берегу старая баня, ветрами да морозами выстуженная, три года не топленная – совсем ни к чему ей печка-каменка.

Взялся портупей-прапорщик покрепче, тряхнул посильнее – вот и кирпичик. Только сажа полетела... Усмехнулся в усы – невелика задача, а на утро чем похмелиться будет.

Шагнул было прочь, а дверь – закрыта.

– А ну, открывай! Кто там шуткует?

Не открывается дверь, только поскрипывает. И будто шепчет кто-то – ш-ш-ш... что ты, что ты!..

Ах ты, синь-порох! Приналёг Иван молодецким плечом, гаркнул зычным голосом:

– Открывай!

Стоит дверь, не шевелится, только чёрная сажа по бане вихрем пошла... И снова кто-то еле слышно:

– Ш-ш-ш... Что ты! Не открою...

Стоит портупей-прапорщик столбом, упершись лбом, пляшут вокруг сажа да пепел, а дверь треклятая, луной насквозь просеянная, что стена железная.

Встал Иван поровней, утёр холодный пот и говорит смело, стараясь зубами не лязгать:

- Не досуг мне тут с тобой валандаться, меня служба ждёт. А государева служба бессрочная, неотступная, отпуску не знает. Говори, чего надобно!
  - Что ты! Открою коли замуж меня возмёш-ш-ш...
- Мало же нынче найдётся д... девиц... чтобы за портупейпрапорщика замуж идти! Коли ты такая смелая – женюсь обязательно!

Дверь и открылась, ни разу не скрипнула. Только никого за ней не оказалось. Пепел да полынь да лунный свет на все четыре стороны.

Принёс портупей-прапорщик кирпич деду, пельмени съел, водку выпил – как воду родниковую.

После трудов праведных улёгся Иван на ночь в сенях. Лёг спать один, а проснулся в потёмках – будто рядом кто. По всему будто человек лежит у портупей-прапорщика под левым боком, дышит тихонько... Свет затеплил – ни одной живой души поблизости.

На другую ночь Иван лёг спать в горнице под иконами. А после полуночи просыпается – снова кто-то рядом. Дышит.

Не стал портупей-прапорщик третьей ночи дожидаться. Рассказал всё случившееся деду-сказочнику. Дед послушал-покивал, а потом спрашивает:

- А ты в бане ни с кем не говорил? За то, что печку-каменку порушил ничем расплатиться не обещал?
- Видеть никого не видел, Христом-Богом не клялся, а жениться пообещал.
  - Вот и женись теперь.
- Я б и рад да на ком? И в бане никого не было, и вокруг одни лягушки.
- В старину, бывало и к лягушкам невестились. Выбора у тебя теперь так и так нет. Разве что в монастырь, за святые стены... Не хочешь? Ну тогда драй пуговицы. Оденься гоголем, запряги тройку да с бубенцами и в самую полночь езжай дорогой знакомой, прямиком к бане. Как доедешь скажи: «Растворитесь ворота, выходи невеста, жених приехал!». Да помни свадьба без див не бывает...

Как было сказано так портупей-прапорщик и сделал. Приехал – в мундире выглаженном, как генерал-фельдмаршал важный. Портупею поправил, усы подкрутил: «Выходи, невестушка!» Тут и вышла к нему девушка, башкирская боярышня, красивая как луна в середине месяца: сапожки красные, халателян шёлковый, ожерелье из камушков самоцветных да монеток серебряных переливается-позвякивает.

Поклонилась в пояс.

– Спасибо тебе, портупей-прапорщик! Уж три года минуло как мачеха, послала меня, чужую дочь, в баню в недобрый час, на верную погибель. Не знал мой отец, второй раз женившись, что взял в дом настоящую ведьму, и что вместо родной дочери у ней бисура – лукавая нечисть, собой безобразная, любой облик принимающая.

Как оказалась я в полночь в бане так подступилась ко мне бисура, стала лицом играть, посулами завлекать, с собой звать: «Пойдём, со мной, чужая дочь! На болоте свадьбу сыграем...»

«Да как же я пойду, босая? Принесла бисура сапожки сафьяновые... Как же я пойду, не нарядная? Принесла бисура халат-елян шёлковый, тканным бисером разукрашенный... Ах, бедная я! Как же пойду на свадьбу, когда украшений нет, халат меня красивей... Несёт бисура ожерелье – а там кораллы, бирюза, ефимки да гривенники серебряные, русские... Как принесла так петухи и запели... Всю-то её перекорёжило – добро же тебе, – шипит, – чужая дочь! Как невесту я тебя убраланарядила: жди же теперь своего жениха, не видная, не слышная в старой бане схороненная...»

«Тёмный тут народец! – думает Иван Краснов. – Азия! Как бы не пришла Россия так бы местный человек по сию пору пням молился, с нечистью водился, государева порядка не знал... А девка-то пригожая... И монисто у ней знатное...»

Посадил портупей-прапорщик чужую дочь в повозку:

– Куда ехать?

– Прямо! А потом стороной, да чрез три поворота да через мостик кривой прямиком в отчий дом. Не чужой судьбы ищу, а суженного от века...

На зорьке утренней жених с невестой к большому дому подъехали, в раскрытые ворота въехали. Встречает гостей челядь, стелет под ноги молодым белую кошму. Выходит на встречу старшая жена: на плечах шуба соболья, на пальцах перстни золотые в глазах, насурьмлённых – чёрный огонь.

Портупей-прапорщик большухе поклон отвесил:

- Ассалам алейкем!
- Как бы не так ты меня поприветствовал, русский солдат, не сносить бы тебе головы! Вижу обычай ты чтишь, девицу тайком не увозишь, к родне невесты с добром пришёл. Да только всё одно не ладно две у меня дочки: негоже младшей вперёд старшей замуж идти! А уж старшая у меня раз увидишь глаз не отведёшь... Не возьму я с тебя выкупа, не спрошу о родителях, а задам одну простую загадку. Не загадку даже, простое дельце и не дельце вовсе, а так, безделку: угадай-ка, солдат свою обручницу коли и впрямь тебе мила чужая дочь без туда справишься.

Махнула старшая жена правой рукой – обернулась чужая дочь белой голубкой, махнула левой – стало вместо одной сизокрылой птицы две: ходят белые голубки по белой кошме, воркуют да на портупей-прапорщика поглядывают: выбирай себе жену, добрый молодец!

«Вот тебе и дива! – думает Иван. – Вот и выбирай: то ли свадьба, то ли поминки...»

А голубки подлетели, на плечи сели, и вот та, что слева не воркует, шепчет нежно:

– Как пойдёшь ты на войну, всех врагов побьёшь и вернёшься генералом. Как стану я твоей женой рожу тебе дочку –

никогда в твоём доме женская красота не переведётся. Как найдёт твоя дочь себе счастье – так и старому отцу будет радость.

А та, что справа, ей наперекор:

– Как будешь служить ты в гарнизоне, воевать тебе и не придётся и проживёшь ты честным человеком. Как стану я тебе женой рожу тебе сына – увидишь в нём себя и старости не узнаешь. Как найдёт твой сын дело по себе – так и всем вокруг будет счастье.

«Солдату без войны не жизнь, девку из дома в рекрутчину не заберут, а уж чтобы кто другой твою радость разделил да счастье всем досталось – пустые речи!»

Так и выбрал себе жену, портупей-прапорщик. Грянулась оземь белая птица, встала перед Иваном Красновым сыном Петровым красна девица как была и даже лучше – глаз не отвести.

А ещё одна голубка вокруг только покружила, белым крылом махнула, да прошептала человечьим голосом:

– Что ты, что ты... Не бывало ещё такого в Русском царстве-государстве чтобы стал портупей-прапорщик генералом, чтобы одинокий человек жизни радовался, чтобы простая девушка нашла себе счастье... Не узнал ты чёрного ворона в белой голубице, не увидел под кривым мостиком речки Смородины... Прощай, Ваня...

Улетела в тёмный лес белая голубка, а портупейпрапорщик с красавицей-невестой в город поехали. Свадьбу сыграли – всем на зависть. Не забыл Иван и деда-сказочника – сам водкой поил, баять не давал, синь-порох через слово поминал. И жил портупей-прапорщик со своей женой долго и счастливо.

Как в сказке.

Дмитрий Петров

СКИТ

В начале 2000-х я с небольшой компанией друзей занялся антикварным бизнесом. Мы ездили по отдаленным деревням и скупали все, что представляло минимальную ценность.

Наши экспедиции совершали ранней осенью. Зимой реставрировали и придавали божеский вид находкам. Весной сплавляли коллекционерам товар. Летом уезжали отдыхать в Крым или за рубеж.

Это было самое лучшее время. Старина пользовалась спросом, и за нее платили хорошие деньги.

В одну из поездок произошла история, о которой я хочу рассказать.

Мы жили в Питере. Вокруг было много областей, где антиквариат еще сохранился от предков. Кто-то с желанием продавал интересующие нас предметы, кто-то с неохотой, озвучивая феноменальную цену, однако в накладе никто не оставался. Живые деньги для глубинки всегда выступали лучшим аргументом в торге.

Обычно за сезон старались исколесить одну выбранную область. Ехали на двух машинах, заранее распределяя территории, в итоге охват получался максимальный.

Тогда, помню, решили поехать в сторону Новгородской области. Навигатор нагрузили картами дореволюционными, советскими, современными. На всякий случай брали металлоискатели, бывало так, что местные старожилы рассказывали истории, вспоминали про разрушенные усадьбы, переправы,

мельницы, в общем, те места, где земля еще сохранила артефакты прошлого.

Выдвигались в первых числах сентября. Погода радовала теплом. Нам с компаньоном Серегой, выпал северо-запад. Мне нравилось ездить с ним, бывший военный, прошел несколько горячих точек, всегда разрешит любой конфликт. Два других наших товарища поехали в сторону центра.

Я был рад. Места, куда мы отправлялись, полны лесов, а это значит, что можно грибы пособирать, на природе отдохнуть от городского шума. Палатка, котелок, удочки у нас всегда в машине и совместить приятное с полезным нарисовался отличный повод.

Неделю посвятили объезду глухих деревень. Собрали неплохой урожай из икон, утвари, статуэток и в принципе, готовы были возвращаться, если бы не рассказ одного старика, которого встретили вечером на привале.

Мы поставили палатку, развели костер, поужинали, сели пить чай, размышляя, какой сможем сорвать куш за купленные в эти дни вещи.

Наш разговор перебил сухенький бородатый старичок, который представился дедом Василием – местным грибником, собирателем трав и ягод. Выглядел он забавно: плащ, который был явно не по размеру, волочился по земле, волосы взлохмачены и торчат в разные стороны, а дополняла этот образ огромная торба за его спиной.

Серега предложил попить с нами чайку, и тот с радостью согласился. Вообще такие персонажи очень ценны: они могут рассказать много интересного. Суть да дело, старик стал расспрашивать: «Что забыли в этих краях?». Я вкратце ответил, кто и чем занимаемся. Он выслушал внимательно, немного помолчал и сказал:

- Вам в скит надо. Там такого добра навалом.
- Куда? спросили мы.
- А тут недалеко, километров сорок. Дорога, конечно, отвратительная, однако, старик посмотрел на наш джип, на этой махине проскочите, как Илья пророк в колеснице на небо.
- Дед, погоди, перебил его я, ты ничего не путаешь? Скит, если верить картам, здесь до революции был у старообрядцев, а потом его благополучно уничтожили.
- Хех, заулыбался он, те, кто там живет, наоборот, от мира прячутся, а ты их на карты нанести хочешь! Точно говорю есть! Сам там прошлым летом был грибы и ягоду монахам приносил, денег у них нет, так они рассчитались со мной книгой какой-то. Если завтра будете здесь, принесу. Может, купите?

Не особо поверив деду, договорились о встречи с утра, сославшись на усталость, сказали, что ложимся спать. Он поблагодарил нас и обещал с рассветом быть.

Старик не обманул. С первыми лучами солнца стоял уже возле палатки в своем смешном плаще и будил нас, стуча по пустому котелку палкой. Я, толком еще не проснувшись, вышел и поздоровался.

– Ну, вот, смотри, – протягивая сверток, сказал он.

Мне было интересно, что там за книга, ведь зная по опыту, очень редко попадались стоящие экземпляры. Обычно ценность такой макулатуры три рубля, а то и меньше. Порванные корешки, вырванные страницы, замазанные буквы, детские рисунки на полях – это норма. Поэтому к покупкам букинистики всегда сомнительное отношение, плюс ко всему не каждый коллекционер, скупщик предложит достойную оплату.

Однако в этот раз действительно крупно повезло, прекрасно сохранившийся «Часовник» семнадцатого века. Я еле сдерживал восторг, покажи, что рад, знаю, сразу цену взвинтят. Покрутив в руках книгу, будто ищу какие-то дефекты, начал потихоньку торговаться. Дед Василий остановил меня, сказав, что отдаст книгу за небольшую просьбу. Суть ее заключалась в следующем: передать в скит одну вещь.

- Вот, он достал из своей торбы небольшой мешочек, только не надо смотреть, что там, это мой подарок монахам, а вам пропуск.
  - Договорились, ответил я. Ну а как потом?
  - Вы же деревню Ивановку знаете?
  - Позавчера заезжали.
- Спросите деда Василия: грибника, меня все знают, и книжечку заберете, улыбнувшись, подытожил старик.

Он ушел. Серега еще спал. А я, закурив, посмотрел на мешочек с интересным вышитым вензелем и стал настраивать навигатор на маршрут до скита. Старые карты показывали наличие дороги, новые упорно твердили: ее нет. В итоге накладывая одну на другую, мне удалось найти вариант, как добраться. Выходил небольшой крюк, но, жажда наживы взяла верх. Если у деда такая книга, то представляю, какие ценности там можно найти. Коль они за грибы-ягоды такую книгу отдали, то за бензин, продукты, думаю, еще ценнее найдем, что выменять. Так думалось мне. Оставалось заехать в магазин и на заправку.

Когда проснулся Серега, я собрал уже большую часть нашей поклажи. Он стал расспрашивать меня про визит старика, книгу. Кратко пересказывая ему все, я начал складывать палатку, и через час мы выдвинулись в сторону скита.

По пути мы купили продукты, залили запасную канистру бензином. Километров через тридцать навигатор указал на съезд с трассы в сторону проселочной дороги.

- Странно, удивился я, ощущение такое, будто здесь уже давно никто не ездил.
- Неудивительно, кому этот скит нужен? Ты же сам знаешь, старообрядцы не особо любят гостей. Приедем тоже не солоно хлебавши, засмеялся он.
  - Дед, утверждал, пустят. Интересно, что в этом мешочке?
  - Давай посмотрим?– завелся Серега.
  - Не, обещал, не буду.

Серега остановил машину. Посмотрел на меня и потом резко сказал:

– Дай этот долбаный мешок, быстро!

Я впервые видел его таким: нечеловеческий взгляд, злость. Он с ненавистью в голосе вновь потребовал отдать мешочек. Видя несогласие, вынул нож и стал размахивать перед моим лицом. Я не понимал, что происходит, однако лишиться жизни из-за обещания не хотел.

- Держи.

Серега развязал узелок. Потом перевернул мешочек к себе на огромную ладонь, из него посыпались монеты.

Ого, нихера себе! Царское золото! Золото, – приговаривал он.

Несколько минут смотрел на деньги, которые переливались в лучах осеннего солнца. А потом, как по щелчку, изменился в лице, заулыбался, сложил все обратно и вернул мне.

- Ты чего такой напряженный?
- Блин, Серый ты реально или прикалываешься?

Я знал его давно и прекрасно понимал, что ничего из произошедшего сейчас он не помнит. Мне стало не по себе, хотелось одного, развернуть машину и поехать обратно. Мистику всему происшедшему добавила смена погоды. Солнце постепенно закрывали небольшие тучки, начинал накрапывать дождик. Серега, не замечая этого, вцепившись в руль, твердил, как завороженный, об удачной встрече с дедом.

– Осталось немного, вон какой путь по дороге накатали, – не унимался он.

Здравая логика, конечно, была в его словах. Потратились на продукты, бензин, в общем, надежда на удачную сделку победила.

* * *

Когда мы подъезжали к месту назначения, пошел ливень. Дворники монотонно скользили по лобовому стеклу. Серега, матерясь, выкручивал руль, машина начинала пробуксовывать по грязи.

Навигатор объявил, что подъезжаем к окончанию маршрута, и здесь нас ждал еще один сюрприз: впереди виднелась лесная чаща.

- Блин, как назло, сказал я, осталось метров пятьсот.
- Λ адно, берем дождевики, берцы и поперли, сказал Серега.

Одеваясь, я посмотрел на часы: шесть вечера. Долго всетаки ехали. Закрыли машину. Дождь шел не прекращаясь. Смеркалось. Включили фонари и потихоньку двинулись. О тропинке мы и не мечтали, главное, не заблудиться. Но каково было наше удивление, когда вдалеке послышался звук колокола. Серега от радости перекрестился.

– Слышишь? Слышишь? – начал он, – скит близко, пошли быстрее.

Через минут пятнадцать, выйдя на опушку, показался высокий забор.

– Пришли, – выдохнул я.

Небольшие ворота были закрыты. Серега принялся стучать. Удары становились все настойчивее и вскоре послышались шаги.

- Кто? сурово спросил голос.
- Мы, замялся я, путешественники.

Ворота приоткрылись, перед нами стоял монах. Возраст его было трудно понять. Единственное, что бросалось в глаза, – густая седая борода.

- У нас не богадельня, не принимаем никого, резко отрезал он.
- Вам просили передать, я полез в карман и достал заветный мешочек деда.

Монах с нескрываемым удивлением посмотрел на него и указал жестом следовать за ним. Он семенил по лужам. Я и Серега, идя следом, оглядывались по сторонам. Хозяйственные постройки, маленький храм и изба, видимо, братский корпус. Подойдя к нему, монах сказал подождать, а сам вошел внутрь. Через минуту пригласил нас зайти.

- Вот ваша келья, указал он, у нас устав, поэтому не шастайте.
  - Может, мы вам поможем? сказал я, у нас есть...
- Все завтра, перебил меня монах, тишина, и приложил палец к своим губам.

– Ну, пошли, – открывая дверь, сказал Серега.

Келья была маленькая: две кровати, столик, на котором стояла глиняная крынка. В углу висела лампада и икона Спасителя. Серега подошел к крынке, понюхал:

- Блин, вода, поморщился он.
- А ты думал, кагор нальют? усмехнувшись, сказал я.
- Походу, нам тут ничего не нальют: странное местечко.
   Наверно, и правда, зря сюда сунулись, сказал Серый, снимая дождевик.
- Не знаю, не знаю, мне показалось, моя речь изменилась, голос стал каким-то грубым, рычащим, я точно отсюда кое-что увезу.
  - Ты о чем? спросил он.
- Вот об этом, я указал на икону, смотри, какое письмо редкое, такую можно продать дорого.
  - Нельзя, неправильно.
  - Заткнись! прикрикнул я на него.

Серега молниеносно схватил меня за горло и хотел ударить, как вдруг кто-то постучал в дверь.

- Эй вы, тихо! послышался голос монаха, который встречал нас.
- Извините, ненароком вышло, больше не будем, ответил Серый.

Мне было непонятно, что произошло со мной. Идея забрать икону испарилась. Серега сел на край кровати и сказал:

– Бляха, чую херня какая-то, давай спать, и завтра рано поедем отсюда, не надо отсюда ничего. Кстати, сколько времени?

Я посмотрел на часы. Стрелки на циферблате замерли на шестерке.

- Слушай, не поверишь, они остановились. Сколько ношу, плавал в них, падал, много чего, и работали, а такое впервые. Реально, что-то ненормальное.
- Дождь этот сраный, стеной стоит, посмотрев в окно, сказал Серега.

Мы легли. Заснуть никак не получалось. Странная, вязкая тишина наполняла комнату.

- Слушай, почему здесь так тихо, словно мы, монах и больше никого? спросил Серый.
- Знаешь, сам себя на мысли такой поймал, прям неестественно, ответил я.

Мне очень хотелось услышать скрип половиц, какие-то голоса, звуки, однако ничего отдаленно похожего на это не было. Зловещая неуютность, дискомфорт, желание уйти прочь – вот, что я испытывал.

Ощущение, будто мозги взорвутся, – вдруг прошептал Серега.

Он очень хорошо описал состояние. Правда, чувство, будто кто-то незримо давит на голову, появилось, как только зашли сюда.

Правила для них, а я пойду осмотрюсь, – вставая с кровати, сказал Серый.

План его был простой: если увидят, сказать, в туалет надо. Он медленно приоткрыл дверь, взял фонарь, осмотрелся и вышел.

От тусклого света лампады у меня заболели глаза, стали мерещится тени, полоски, круги на стене. Переведя взгляд на потолок, вдруг почувствовал, что он становится больше, а пространство увеличивается в размерах. Я зажмурился, и в этот момент вернулся Серега, с порога заявив:

– Быстрей одевайся! Валим отсюда!

Натягивая впопыхах берцы, я попутно начал расспрашивать его об увиденном.

- Понимаешь, тут вообще пусто. Зашел в другие кельи паутина, пылища, словно сто лет никто не убирал.
  - Может у них устав такой: срач разводить, пошутил я.

Сереге явно было не до смеха. Помня о его военном прошлом, я понял, что человек, который повидал всякого и сейчас выглядел как потерянный ребенок, настораживал.

- Слушай, ну а этот, что нас встречал, тоже исчез?
- Говорю же, никого! с раздражением ответил он.

Мы уже собрались выходить, как во дворе послышался удар колокола, а в коридоре шаги людей.

- Епть! вскрикнул я.
- Да что за бред? вырвалось у Сереги.

Мы растерянно смотрели друг на друга. Создавалось впечатление, будто нас не хотят отпускать. Странности скита поражали больше и больше. Через несколько минут все стихло. Я предложил Сереге потихоньку выходить, посчитав, что монахи пошли на ночную службу и есть возможность незамеченными слинять.

– Какие монахи? Тут пусто! Давай в окно, – предложил Серый, – Богу одному известно, кто там, – указал он пальцем на дверь.

Я открыл его, и вдруг во дворе скита раздались выстрелы.

Серега машинально упал на пол, дернув меня за собой. Послышались шаги, которые замерли возле нашей двери.

- -Товарищ Иванов, всех вывели уже, кого здесь искать? отрапортовал голос.
  - -Тоже верно! Пошли дело делать, ответил другой.

Уже ничего не понимая, переведя дыхание, я обхватил голову руками и начал причитать:

– Мать твою, что здесь происходит? Я сошел с ума? Я сошел с ума!

Серега закрыл мне ладонью рот, прошептал:

– Слушай, вместе не сходят. Успокойся, и резко в окно за мной. Понял? Если да, кивни, – сказал он.

Я закивал.

Окна нашей кельи выходили не во внутреннюю часть двора, где продолжались выстрелы, доносились крики, пения молитв.

До выхода недалеко, – подытожил Серега, – главное, незаметно пройти.

Дождь и грязь затрудняли движение, один неверный шаг – и упадешь. Медленно переступая с ноги на ногу, мы дошли до края избы. Серега показал жестом: остановись. Сам аккуратно выглянул из-за угла.

- Ну? дрожащими губами, спросил я.
- Этого не может быть, с ужасом в глазах ответил он, посмотри.

Мне ничего не оставалось, как последовать его совету. Картина, которая возникла передо мной, зашкаливала в своей фантастичности. Несколько человек в форме красноармейцев, два чекиста производили расстрел монахов. Нет, это был не фильм, а реальность. Ужас той ночи невозможно передать словами. Кровь. Тела, извивающиеся в предсмертных конвульсиях. Одновременно страх и отвращение испытал я, когда очередной выстрел пробил голову какому-то молодому, еще безбородому монаху. Меня затошнило. Серега, смотря на меня, произнес:

- Да, вас бы на войну, там такое часто.
- Серый, сплевывая, сказал я, мы в тридцатых годах. Это репрессии! Понимаешь?

К сожалению, понимая все, ни я, ни он, не знали ответа на простой вопрос: «Что делать?».

- Давай подумаем, сказал Серега, есть два варианта.
- Какие?
- Первый: мы прячемся в этой избе, второй: пытаемся добежать к машине.
  - И? замычал я.
- Оба они рисковые. Остаться в избе не факт, что эти ханурики ее сейчас не подожгут. У них ума хватит, тем более по документам архива этот скит сгорел.
  - А в машину? с надеждой спросил я его.
- Вот этот вариант лучше, но на месте ли она? размышлялон.
- Серый, а чего терять? Хоть так, хоть этак, конец невеселый. Давай до тачки.

Он стал говорить, как поступить. Предложил снять дождевики, цвет их сразу привлек бы внимание, да и бежать в них неудобно. Дальше ползем до выхода и на всех парах к джипу.

В принципе, все так и вышло, только когда до ворот оставалось пара метров, один из чекистов заметил нас.

– Беги, – крикнул Серый.

Я резко вскочил и припустил из всех сил. На мое счастье они были открыты.

- Стой, падла! Убью! - кричал чекист.

Серега в этот момент подобрал камень и швырнул в него. Я слышал, как Серый несется следом за мной. Ветки царапали лицо, руки, ноги проскальзывали в грязи.

– Не оборачивайся, – кричал он.

Пару раз в нашу сторону выстрелили. Повезло: пули пролетели мимо. А потом... Потом все резко стихло. Машина никуда не делась, однако выехать не представлялось возможным. Все было размыто. Грязные, промокшие и усталые, мы закрылись в джипе, предоставив свою участь судьбе. Засыпая, я посмотрел на часы, они пошли...

* * *

Остаток ночи пролетел. Нас никто не потревожил. Когда проснулись, светило солнце. Дорога немного подсохла, и значит, можно ехать.

Интересно, сколько проспали? – потягиваясь, спросил Серега.

Я подсчитал примерно от времени, как заработали часы, вышло немного. Серый, смотря на свои штаны, говорил, что с периода службы в армии столько в грязи не валялся.

- Слушай, а не причудилось ли это? вдруг спросил я его.
- Сомневаюсь. Хотя, что мешает проверить? Сейчас светло и видно хорошо.

Он открыл дверь и зашагал в чащу. Не знаю, почему я вышел вслед за ним. Конечно, никакого скита в помине не было. Опушка заросла деревьями.

– Значит, показалось? Глюк? Вот ведь и не пили ничего, а так накрыло, – сказал Серега.

Я прошелся немного дальше. На земле валялись наши дождевики.

Показалось или нет, уже неважно, поехали отсюда прочь,поднимая их, прокричал я.

В машине, Серега сидел молча, сосредоточенно смотря вперед. Нам не хотелось вспоминать вчерашнюю историю. Только однажды выезжая на трассу, он произнес:

- Тварь этот дед, прибью его.

Я ничего не ответил.

По пути мы заехали в придорожное кафе, поели. Серега подобрел, но настроен был решительно, книгу надо непременно забрать.

* * *

Деревня Ивановка – так, одно название: на самом деле, жилых дворов десять, остальные развалились или куплены под дачи.

Подъехав к первому дому, заприметили бабульку. Еще до скитского приключения она нам продала пару икон.

- Ой, хлопчики, чего вы? Еще что купить надумали? с радостью зашамкала она.
- Не, бабуль, нам бы деда-грибника найти надо, сказал Серега.
  - Кого? Ваську?

Мы закивали.

- Иуду этого, черта рогатого, так его годков десять как схоронили.
  - Что? одновременно спросили я и Серега.
- Дура я, старая, запричитала она, совсем забыла вас предупредить.

Бабка рассказала, что Василий, перед самой революцией пришел в этот скит и хотел стать монахом. Все хорошо складывалось у него, однако сгубила его корысть. Кто-то пожертвовал скиту деньги, а он их украл. Дальше больше, вместо раскаяния, когда уже чекисты во всю с религией боролись, сам

отвел их в скит. Монахов всех расстреляли, скит сожгли. Так этот Васька всю жизнь в деревне жил, грибы-ягоды собирал, только никто у него их не покупал, за версту его обходили. Вот он в город свои припасы приспособился возить. А как помер, стали поговаривать, мол, видели в соседнем селе как приходил Васька, мешочек какой-то просил в скит отнести. Деревенские наши ушлые, знают, скита в помине нет. Так эта неупокоенная душа шастать стала по приезжим. Лет пять назад дачники заехали, только дом купили. Васька к ним под ночь и заявился с грибами своими. Дал мешочек, обещал взамен им горы золотые, только отвезите, те и поехали. Через месяц нашли убитыми их. Странно, ведь тихие места у нас, видно кто-то залетный на машину или что-то еще позарился. Еще пара молодая была, выжили, правда с ума сошли. Все чушь несли про монахов, расстрелы. В общем, дураками на всю жизнь сделались.

Попрощавшись с бабкой, мы побрели к машине. Закат был красивый.

- Смотри, птицы на юг летят, указал на стаю Серега.
- Знаешь, видимо и нам туда пора нервы подлечить, ответил я.

Мы сели в машину и поехали прочь из Ивановки, ругая деда самыми погаными словами...

Литературно-художественное издание

КРИКСА-ВАРАКСА

Сборник работ участников Международного литературного конкурса малой прозы «ЭтноПеро-2023» Номинация «Этническое фэнтези»

Составитель: Сергей Валерьевич Ивкин Обложка: Наталия Александровна Печерских Ответственный за выпуск: Ольга Ивановна Калинина

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области «Свердловская областная межнациональная библиотека» 620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28 Тел.: +7 (343) 211-07-00 www.somb.ru

Подписано в печать 23.01.2024. Формат бумаги 60×84 1/16. Гарнитура Garamond. Бумага офсетная. Печать плоская. Усл. печ. л. 6,28. Заказ 18038. Тираж 250 экз.

Отпечатано в ООО Универсальная Типография «Альфа Принт» 620049, г. Екатеринбург, переулок Автоматики, 2ж.

Тел.: 8 (800) 300-16-00

www.alfaprint24.ru